

Александр Лапин — писатель и публицист, лауреат премии Правительства РФ в области средств массовой информации, национальной премии “Лучшие книги и издательства — 2014”, Международной премии имени Валентина Пикуля, член Союза писателей России. Литературным творчеством занимается с конца 1970-х годов, ряд его книг переведён и издан за рубежом. Живёт в селе Сенное Воронежской области.

Наиболее известное произведение Александра Лапина — роман “Русский крест”. В нём охватывается история нашей страны на протяжении трёх десятилетий. Главных героев романа — четвёрку школьных друзей, читатель впервые встречает совсем юными, недавними выпускниками. У каждого из них непростая судьба. Вчерашние однокашники, романтики, они проходят от книги к книге нелёгкий путь поиска своего предназначения в рушащемся вокруг них привычном мире. Влюбляются, расстаются, ошибаются, идут вперёд, отстаивая свою правду, меняясь вместе со страной. Через всё то, что принесло это непростое время: развал государства и смену общественного строя, войны и новые рыночные отношения, первые буржуазные удовольствия и бандитские разборки...

Весной 2016 года увидит свет заключительная, шестая книга этой масштабной саги о поколении, в которой события происходят уже в недавние 2000-е годы. В отличие от пяти предыдущих (“Утерянный рай”, “Непуганое поколение”, “Благие пожелания”, “Вихри перемен”, “Волчьи песни”), заглавие финальной части романа — “Время жить” — звучит оптимистично. Пусть и нельзя сказать, что в судьбе главных героев всё входит в привычную колею и долгожданный покой близок. Ведь никому не дано избежать борьбы с постоянно возникающими вызовами окружающей нас жизни, со своими внутренними сомнениями, противоречиями. Но повод для оптимизма автор видит в чётком осознании своего пути и жизненных

целей, в готовности взять ответственность на себя “за тех, кого приручил”, в глубоких корнях, связывающих с родной землёй. Именно это, по мнению писателя, и является основой полноценной жизни здесь и сейчас.

Журнал “Наш современник” публикует журнальную версию книги “Время жить”, в которой прослеживается судьба главного героя “Русского креста” — Александра Дубравина.

1

“Дорога, дорога, ты знаешь так много о жизни моей непростой!” — навязчивая мелодия стучала в висках уже целых полчаса. И он никак не мог избавиться от неё. Тем более что она абсолютно точно выражала его мысли.

Дорога — это его жизнь. Семьдесят дней в году проводит он за рулем. Стремительно перемещается в пространстве, на котором раскиданы его предприятия. Зимой и летом. В любую погоду мчится его трехлитровый турбированный “Ауди” по трассам Черноземья и Юга России.

Что же, “назвался груздем — полезай в кузов”. Захотел стать свободным издателем — соответствуй во всём. Живи на колёсах.

Вот и сейчас, в январскую стужу, когда хороший хозяин и собаку не выгонит из дому, он ехал в город “Ч”. Туда, где сегодня в крупном областном центре находился его главный офис.

Полноприводная машина на шипованной резине хорошо держала дорогу. И Дубравин, чуть расслабившись, оглядывался по сторонам.

Вокруг зимние пейзажи. Насколько хватает глаз — покрытые снегом поля. Вдоль дороги — узорчатые, обледеневшие деревья лесных полос. По-видимому, вчера, в оттепель они были облиты дождем, а теперь, когда ударил мороз, покрылись белым, невообразимой красоты узором. Ледяным кружевом.

Не вчера началась эта дорога в новую жизнь. Тогда, после всего, что случилось с ними, он долго раздумывал. О том, что же ему делать дальше. Внутренне, в своём сознании он уже оторвался от “Молодёжной газеты”, от столицы. И дальнейшее продолжение того бытия казалось ему скучным и бесполезным хождением по кругу: “Надо уходить! Делать то, что задумал. Но без неё. Без Галины”.

На очередном ежегодном осеннем семинаре “Молодёжной газеты” он вышел на трибуну. Долго молча смотрел в зал. Туда, где сидели его соратники по борьбе.

Как же они изменились за эти годы! Образно говоря, закалились. Выделились из серой человеческой массы. Превратились под чудовищным давлением из “мягкого графита” в настоящие “человеческие алмазы”. Чудо-богатырей.

Очень многое ему хотелось сказать этим людям. И о том, что все они, как герои романов Фенимора Купера, являются “следопытами”, идущими “в леса новой жизни”. И о том, что пришло его время начать самостоятельное дело. А также о том, что он их любит, прикипел к ним сердцем.

Но вымолвил он совсем другое:

— Я ухожу!

Зал охнул. И притих. Видно, никто не ожидал такого поворота. Что бы там ни говорили в кулуарах, о чём бы ни шептались враги, они всё равно оставались “отцами-основателями”. И его неожиданный уход поселил в сердцах людей тревогу и беспокойство.

“А как же мы?” — увидел он вопрос в их глазах...

Дубравин отбросил воспоминания, когда его “Ауди” уткнулся в хвост длинной, самодвижущейся пробки на колёсах.

Полный привод вдохновляет его на обгон. Но сейчас зима, чёрт бы её побрал! А впереди него — десятки ползущих полегоньку, потихоньку по заснеженной, нечищенной трассе изделий отечественного автопрома. И тут не до шуток. Случись что — пробка встанет, растянувшись на десяток-другой километров.

Началась пурга. Ветер срывал с полей снежинки, бросал их на лобовое

и лобовое стекло. Снежными шупальцами шарил по асфальту, зацепившись за неровности, начинал наметать заносы и перемёты.

Ехать становилось труднее, так как из-под колёс идущих перед ним фур поднимались в воздух белые вихри.

Впереди древний русский автомобиль “Волга” сделал рывок и отчаянно попытался начать обгон. Но, увы! И ах! Левым передним колесом он попал в пушистый снег. Потерял курсовую устойчивость и с разворотом влетел в сугроб на обочине.

Никто не остановился. Колонна продолжала движение.

Проезжая мимо, Дубравин краем глаза увидел, как из погрузившегося в снег кузова вылезли водитель, а следом и пассажир.

Но решимость его велика. Надо срочно обходить колонну. Иначе до темноты ему до места не добраться.

Тут и пригодилась дополнительная мощность двигателя. И полный привод. Дубравин начал обгон и играючи обошёл один, второй, третий грузовик...

Впереди уже маячил оперативный простор.

Он хорошо обошёл предпоследнюю, окутанную летящей из-под колёс снежной пылью фуру и уткнулся в “небесный тихоход”. Это был тяжело нагруженный стальной арматурой длинномер — победитель всех на свете марафонов. Отечественный “КамАЗ”.

Некоторое время Александр двигался за вылезшим из кузова метра на полтора гремящим стальным частоколом. Высматривал через несшийся впереди снежный вихрь дорогу. Готовился сделать очередной обгон.

“Вроде чисто! Ну, милая, не выдай!”

Вылез на встречку. И осторожно продвинулся вперёд. Ещё чуть-чуть — и он уже сравнялся с кабиной длинномера. В этот миг он заметил, как впереди, откуда-то из белой мглы, вылетели, вырисовываясь на дороге, светлые “Жигули”. С погашенными фарами, без габаритов эта машина была похожа на серый призрак.

Он каким-то шестым чувством ощущал, как быстро двигался навстречу этот “старинный русский автомобиль”, вынырнувший из пурги.

“Вперёд не успеть!”

Инстинктивно ударил по тормозам. Сработала система курсовой устойчивости. Педаль начала прыгать под подошвой. Иномарка, как остановленная на полном скаку лошадь, упёрлась всеми четырьмя шипованными колёсами в заснеженный, с настом асфальт.

А “Жигули” неумолимо летели навстречу. Через секунду он понял, что уходит от лобового удара ему некуда: справа — кузов длинномера, слева — металлическое ограждение трассы.

Странное дело: в эти мгновения его не покидало какое-то отстранённое, ледяное хладнокровие. Как будто это не он, а кто-то другой в нём считал и решал: “Только бы задние колёса дальномеров успели пройти! А там — рывком вправо. Хоть под кузов. Обдеру весь капот. Но уцелею!”

И про себя просил: “Ну, давай, давай же, обходи меня!”

Оставалось буквально метров двадцать до мчащихся вперёд “Жигулей”. Краем глаза он видел, как справа проплывал длинный, гружённый арматурой кузов.

И уже буквально в пяти метрах от несущейся навстречу смерти рывком бросил свою машину вправо. Капот “Аудюхи” оказался под нависшими из кузова арматуринами с повязанной на них красной тряпкой.

Мимо снарядом пролетели “Жигули” с затемнёнными стёклами...

Лишний страх и ужас прошли в ту секунду, когда Александр, наконец, осознал: “Пронесло, Господи!” Через минуту им овладел приступ такой ярости, что он несколько раз ударил кулаком по рулю:

— Гад! Сволочь! Подонок! Надо развернуться, догнать мерзавца! Остановить и набить морду! В такую погоду, в пургу не удосужился даже включить габариты и свет! Что ж это за люди такие! Что ж за ублюдки! Ну, ладно, свою жизнь ты ни в грош не ставишь. Но другие-то в чём виноваты, что из-за твоего разгильдяйства должны рисковать жизнью!

Потом успокоился. Вряд ли тут, на узкой полосе, в снегу удастся развер-

нуться. Да и где его искать? Без примет, без номеров. Скорее всего, он просто шары залил! И несётся!

Гул мотора успокаивал. И Дубравин, борясь с усталостью, сильно сожалел, что не послушал жену и выехал так рано. “Надо было доспать. Всё равно день пропадёт в дороге! Хоть и приедешь на пару часов раньше”.

Мысли его перескочили на дела семейные, личные. А они были вовсе не такие радужные. После разрыва с Галиной всё как-то само собою пошло наперекосяк. Жена отнеслась к его самостоятельности весьма прохладно. Ни помощницей, ни душевной опорой стать не смогла. Не захотела. Первые неизбежные неудачи на самостоятельном поприще вызвали у неё панику. И Дубравин горько жалел о том, что рассказал ей о них. Какое бы новое дело он ни начинал, Татьяна каждый раз вспоминала неудачу со строительством “фаст-фуда” и заводила одну и ту же песню: “Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты... А помнишь, как тебя обманули компаньоны?” Дубравин злился, терял весь свой энтузиазм. И, в конце концов, решил больше ей ничего не рассказывать. Ну, а так как дома он бывал редко, то наметившаяся трещина всё росла и росла...

Галину он давно понял. Ну, а кто понял, тот простил. Более того, христианский, нынешний его взгляд на мир всё перевернул, переворошил в его видении ситуации. Теперь он считал виноватым себя. “Я стопроцентный эгоист, который только и думал, что о своих планах, надеждах, жизни. Не понимал её. И считал, что “баба, она должна за мужиком идти, как нитка за иголкой”. Не дорос, видно, ещё до понимания того, что мир изменился и у деловой женщины могут быть свои виды на будущее. Для неё всегда так важен был статус. А что я ей предлагал? Главное — уехать. А там разберёмся. Кем она бы стала? Из мужних, законных жён да в любовницы, в подружки? Опять же материальная сторона. Это по пословице “с милым рай и в шалаше”. А сегодня уже с добавочкой: “...если милый атташе”.

Ну, и столичная жизнь её очень увлекла. Она ведь только выбралась из провинции. Только обжилась, работу престижную получила. А тут я предлагаю: всё бросай! Поехали! Начнём новую жизнь! А получится ли она, эта новая история? Об этом я и не думал в своём мужском эгоизме.

Хотя, с другой стороны, не это мне душу жжёт. Не это. А то, что мне тогда сказала: “Я и тебя люблю. И его люблю!” Значит, никого по-настоящему не любит”.

И, обогнав очередную фуру, дополнил: “Впрочем, чужая душа — потёмки. А уж женская — вдвойне. Но с этим, как говорится, ничего не поделаешь. С этим просто придётся жить. Стараясь не обижаться самому. И никого не обижать”.

2

Одна из главных артерий страны находилась в плачевном состоянии. Всего две полосы. И те идут через бесчисленное количество деревень, городков и посёлков. И вот её, как “корку хлеба тараканы”, оседали ненасытные гаишники.

Народ богател. Поток машин становился всё больше. У Дубравина даже сложилась собственная теория по этому поводу. “Сначала, на первом этапе, люди просто наедаются. Потому и набивают в супермаркетах полные тележки еды. Тащат всё, что им было недоступно в прошлые времена. Наелись — принялись одеваться. Покупать барахло. Сапоги. Сумочки. Куртки. Шубы”.

Он видел по собственной жене, с какой страстью и азартом бывшие советские, а ныне российские женщины тащили из магазинов всё, что раньше было им недоступно. Тащили, даже не задумываясь о том, нужно ли им это. Разбухший потребительский инстинкт, зачастую не сдерживаемый ни воспитанием, ни образованием, давал такие причудливые плоды, что оставалось только разводиться руками. И периодически философски обобщать результаты: “Мужчина испытывает восторг и полёт души, когда творит, женщина — когда потребляет”.

Впрочем, он никого не осуждал. Ведь сколько времени народ получал материальные блага по граммულке — лишь бы не помер с голоду.

Вот пружина и распрямилась в годы относительного благополучия. Когда пришло время жить.

Он даже знал, что происходило сейчас. Третья стадия. Те, кто наелся и оделся, покупали машины. Поэтому на дорогах было уже не протолкнуться.

Ну, а дальше? Дальше люди начнут строить дома. Он сам уже прошёл и эту стадию. За десять месяцев шведская фирма поставила ему в ближнем Подмоскovie по своим технологиям хороший коттедж. С сауной, маленьким спортзалом и камином.

“А после, построив дома, люди захотят, чтобы их уважали. И тогда у нас в стране начнётся самое интересное. Появится то, что на Западе называют гражданским обществом. Или средним классом. Человек с домом — это совсем...” — он не успел додумать эту важную мысль. Из-за остановки выско-чило то, что называется сотрудником ДПС. В руках у него была волшебная полосатая палочка, именуемая почему-то железом.

Пришлось тормозить. И съезжать на обочину. Из машины он не выхо-дил. Ждал, немного опустив стекло. Подошёл вразвалочку одетый в тёплый синий комбинезон со светоотражающими вставками молодой, длинный па-рень. Представился неразборчиво:

— Бу-бу-бу! Лейтенант бу-бу-бу! Ваши документы!

Дубравин посмотрел на его счастливое лицо и понял, что, призадумав-шись, обошёл фуру под знаком “Обгон запрещён”. Поэтому не стал спорить, а молча выбрался из тёплого чрева машины на мороз. Также неторопливо достал с заднего сиденья дублёнку. Надел. Теперь можно и разговаривать. Он миролюбив. И договороспособен. Потому что за годы странствий у него выработалась формула: нарушил — плачу. Разводят — иду на конфликт.

Подав водительские права и техпаспорт:

— Ну, и что я нарушил?

— Вы, Александр Алексеевич, нарушили правила обгона! — было вид-но, что розовощёкий молодой страж порядка чрезвычайно доволен этим об-стоятельством.

— И сколько это в рублях по нынешнему курсу?

“Сейчас он должен предложить сесть в машину. Там и будем договари-ваться”.

И точно:

— Да вы пройдите в автомобиль к моему напарнику!

Дубравин сел в раскрашенную патрульную машину. И продолжил диа-лог с новым визави. Этот был, судя по всему, уже более тёртый, выдавший виды белобрысый, кучерявый капитан.

Он задумчиво разглядывал его водительское удостоверение и техпаспорт на “Ауди”.

— Ну что, капитан, я вообще-то сильно тороплюсь! — бросил Дубравин свой пробный шар, начиная этот привычный, как он про себя называл его, “обряд дома Месгрейвов”.

Но капитан, видно, не торопился. Его что-то интересовало в автомобиле:

— Хочу купить такую же вот полноприводную “Ауди”, — наконец, ска-зал он, доставая ручку. — Сколько она стоит?

— Ну, тысяча пятьдесят в долларах! — ответил польщённый интересом Дубравин. — Новая!

— Дорого! И как люди ухитряются столько зарабатывать?

Дубравин за словом в карман не полез:

— А всё очень просто, — усмехнувшись, ответил он. — Надо было го-ду в девяносто втором бросить свою непильную работёнку. И как в воду, с головой кинуться в бизнес. И лет десять упираться, не спать ночами, па-хать. Сегодня у вас была бы точно такая “Ауди”... Или даже “Мерин”...

Говорил он это без зла или какого-либо желания поддеть гаишника. Го-ворил с вежливой улыбкой, стараясь не обидеть человека. Его позиция в дан-ной ситуации проста и понятна каждому. Это как в игре в “казаки-разбой-ники”: мы едем — вы ловите.

У каждого в этой жизни своя роль. Да и парни эти — простые русские парни. Не хамят, не наезжают... Что ж конфликтовать? Все хотят жить...

Но обострённое чувство справедливости заставляло его частенько спорить и ругаться. Последний раз он поцапался с “хозяевами дороги” на “голодном посту”, который находился на границе Тульской и Калужской областей. Тамошние гаишники взяли себе за правило останавливать его машину просто так. “Для проверки документов”. Из принципа. Едет дорога иномарка с московскими номерами. Как же не попытаться обогреть проезжего человека?

Остановят. И начинают: “Покажи то, покажи это! А где у вас огнетушитель? А что у вас в багажнике?” Дубравин терпел-терпел. А потом — как сорвался, как попёр на них матом. И с такой яростью, что “аж чертям тошно стало”.

Пришлось им тогда срочно вернуть документы. И убраться в свою нору. Но сегодня он миролюбив и договороспособен:

— Я по этой трассе два раза в месяц езжу. Вроде знаю все места, где вы стоите. А здесь никогда не видел.

Капитан потряс кудрями, шмыгнул носом. И обиженно так ответил:

— Да мы тут вообще первый раз стоим. Наш взвод только на авариях работает. Оформляет. А здесь на трассе создали отдельное подразделение. Собрали в него всех бластных, родственников, сынков районных начальников. Вот они тут стоят, зарабатывают. А мы — чёрная кость. Только аварии разбираем. Это нам сегодня подвезло. Рейд объявили. А так нас к трассе и не подпускают.

— Да! — сочувственно заметил Александр. — Такие времена. Братья, сватья, сыновья. Одно слово — кланы. К кормушке только своих.

Они расстались по-доброму. Без того тяжёлого чувства озлобления и ненависти, которое чаще всего испытывают люди после таких встреч.

“А дорога серою лентою вьётся”. Образно сказано. Но точно. Обледенела она. Зимняя дорога. Снежок укатало. И Дубравин, наученный горьким опытом, несмотря на полный привод, начал тормозить. Побоялся, что будет, как в прошлом году. Полетал он тогда знатно. Под седлом у него было произведение шведских автомобилестроителей. Зелёный, переднеприводный “Сааб”. Хорошая машина, похожая на маленький самолёт, с мощным турбированным двигателем. Ехал из Смоленска. Особо не гнал. Так, шёл километров сто тридцать.

Дорога ровно ложилась под колёса. Гудели шины. И ничто не предвещало беды.

И вдруг! Ох уж это вдруг... Он почувствовал, как машина полностью потеряла сцепление с трассой. И её выносит на встречную, при этом разворачивая поперёк полосы боком.

И было такое ощущение, будто кто-то невидимый и могучий как бы ладонью взял и смахнул его “Сааб” с асфальта.

— Всё, кранты! — прошептал он, понимая, что сейчас слетит с полотна вниз, в кювет и начнёт кувыркаться по полю.

Но что откуда взялось! Первый его рефлексивный порыв был прост. Начать тормозить. Но что-то, наверное, опыт, удержало его ногу на педали газа. И вместо того, чтобы гасить скорость, он начал потихоньку прибавлять обороты.

Зелёный “Сааб” нёсся боком по встречной, срезая и поднимая задними колёсами, как входящий в вираж сноуборд, тучу снега, летящего фонтаном выше крыши. Но бешено крутившиеся передние колёса вгрызались в ледяную корку и чудом, по чуть-чуть выталкивали автомобиль из заноса. Ещё несколько секунд такого свободного полёта — и “Сааб” выровнялся на трассе.

Дубравин подрулил к обочине. Остановился. Открыл дверь. Вышел из салона.

Руки и ноги дрожали. Он сел рядом с машиной на корточки. Сидел несколько минут. Дышал. Затем огляделся: “А если бы навстречу шёл грузовик?” Но додумывать эту мысль ему совсем не хотелось.

Он осмотрелся. И увидел, что по обе стороны от трассы лежали, кто на боку, кто на крыше, машины. Посчитал — пять штук. А возле них копоши-

лись люди. Тогда он прошёл назад и обнаружил, что асфальт был покрыт тончайшей ледяной коркой, которую на ходу и не заметишь...

Так что тот опыт не прошёл даром. Он сменил машину на полноприводную, стал очень внимательно разглядывать асфальт. И зимою тщательно следить за скоростью.

“Машин всё больше. Идёт первичная автомобилизация России. Всё, как я писал в статье много лет назад. А вот с дорогами беда. Как говорится — в России две беды. Дураки и дороги”. А теперь, вспомнив летевшие навстречу сумасшедшие “Жигули”, он додумал: “Нарождается и третья. Дураки на дорогах”.

Обед — как всегда. По расписанию. На середине трассы. В кафе под саграментальным названием “Рябинушка”.

История его появления интересна и поучительна с точки зрения развития бизнеса в российской глубинке. Несколько лет назад Дубравин ехал по этой трассе. И всю дорогу почём зря ругал свой народ:

— Двести с гаком километров и ни одного питательного пункта не встретили. Что ж за народ наш такой бестолковый! А ведь рядом деревни. Открыли бы кафешку. И им хорошо, и нам...

И вот ровно посередине трассы он заметил у обочины — даже не кафе — просто киоск, на котором было написано на бумажке: “Чай! Кофе! Сосиска!” Обрадовался Дубравин и сказал своему спутнику Юрке Бесконвойному:

— Вот, Юрец. Зря я грешил на наш народ. Пробуждается в нём предпринимательская жилка.

И твёрдой поступью направился к этому самому павильону, чтобы, наконец, вкусить плоды цивилизации. Постучал в закрытый ставень.

Там, внутри кто-то очень долго возился. Наконец, ставень поднялся. И что же он увидел? Усатую, небритую азербайджанскую физиономию.

Так он познакомился с Али...

С тех самых пор и повелось. На середине трассы он обедал “У Али”. Вместе с водителями большегрузных фур.

Постепенно азербайджанский бизнес развернулся в придорожное кафе с пристроенным сбоку платным сортиром, пунктом шиномонтажа, магазином.

Место простое. Затёртые стулья. На столах — клеёнки. Жирный хаш, салат из помидоров и огурцов, люля-кебаб, шашлык... Всё не слишком изысканное, но сытное, рассчитанное на железные желудки дальнобойщиков.

И каждый раз, отобедав этих яств, Дубравин с обидой думал о своем народе: “Что ж так! В середине России. Почему же мы не можем? Сами!”

Так продолжалось долго. Пока однажды на другой стороне трассы, на вычищенной и вновь заасфальтированной площадке кто-то не построил с нуля новенькое кафе под названием “Рябинушка”. Светлый, просторный зал. Лёгкая — металл с пластиком — мебель. На стене — плазма. Играет музыка. За стойкой, где лежит меню, миловидная русская женщина с приятным круглым лицом и в чистом переднике. Она приветлива и улыбчива...

“Вот и появились у Али конкуренты. Зря я так окрысился на русских. Значит, можем! Только мы долго запрягаем!” — думал он, перекусывая куринной лапшой и домашней котлетой вполне приемлемого качества.

С тех пор он обедал только у своих. У русских. Из принципа. Даже несмотря на то, что частенько заставлял у “Рябинушки” вереницу автобусов. И толпу пассажиров.

Понимал. Надо поддерживать своих, таких же, как и он, предприимчивых и упорных...

Дело, которому он посвятил себя, постепенно ширилось и росло. И коллектив подобрался хороший. Журналисты и дизайнеры, рекламщики и распространители — все сплошь молодые, живые, энергичные люди. Одна про-

блема — теснота в офисе, который расположился в районе частных домов. Собственно, это и не настоящий офис, а просто двухэтажный жилой дом, в котором людей, как в бочке сельдей.

Но это всё временно. У него в сейфе уже лежит “зелёнка” — свидетельство о государственной регистрации на недвижимость — на отличное четырёхэтажное административное здание, приобретённое издательским домом “Слово” у авторемонтного завода. И Дубравин, разглядывая план нового офиса, прикидывал, как бы ему разместиться со своей свитой.

За этим занятием его и застал директор “Слова” Сергей Чернозёмов. Он зашёл в закуток, где пристроился “хозяин”, и сразу в этой малосенькой комнатке под крышей им двоим стало тесно. Сергей, здоровенный, под два метра, атлетически сложенный черноволосый и черноглазый тридцатилетний мужик, присел на краешек стула напротив шефа и стал торопливо говорить:

— Александр Алексеевич! Понимаете, какое дело! Я вчера ходил в наш новый офис к арендатору, который сидит в нашем здании, чтобы договориться с ним о выезде. Ну, сказал ему, что мы, мол, купили здание у завода...

— А кто там сидит? — уточнил Дубравин.

— Там размещается начальник областной гражданской обороны генерал Кутрияков со своим штабом.

Дубравин присвистнул:

— Ну, и что?!

— А он мне выдал в ответ: “Никуда мы выезжать не будем!”

— Это как?

— Я ему показал документы. Купчую, бумагу о регистрации сделки, копию “зелёнки”.

— А он? — Дубравин уже начал терять терпение и злиться на мнущегося директора.

— А он заявил: “Мы здесь власть! Законы писаны для вас. А мы что хотим, то и делаем!”

— Они что, совсем охренели?! — Дубравин даже слегка очумел от такого разговора. — Мы же это здание купили. Деньги заплатили заводу. И немалые деньги.

Вечером он сидел у себя на квартирке и размышлял над услышанным. И никак, ну никак это не укладывалось у него в голове. Какой-то штатский генерал от гражданской обороны, тыловая, разжиревшая на казённых харчах крыса ставит себя выше закона, порядка и вообще здравого смысла. Ему, человеку, прибывшему из центра, прошедшему непростой путь, невдомёк, что российская провинция отстала от Москвы навсегда. Менталитет, порядки здесь сохранились ещё те, советско-феодалные. И “красный пояс” — это не красивая лингвистическая метафора, а реальность, в которой живут миллионы людей. А власть, которая якобы должна продвигать в жизнь реформы, сама нуждается в реформировании и смене поколений.

“Что ж здесь за нравы такие?” — думал он, разглядывая по телевизору местные новости, в которых новый, недавно избранный губернатор вещал о своей программе подъёма сельского хозяйства области.

Дубравин знал, что область эта была славна ещё недавно своими заводами. Теперь ничего этого нет и в помине. Когда искал офис, посетил несколько таких знаменитых в прошлом производств. Был он на бывшем станкостроительном заводе, который поставлял уникальные механизмы в сорок стран мира. На погибшем экскаваторном был. Шинном. Телевизионном. Везде его встречали разруха и запустение. Особенно поразили руины молочного комбината.

“Как же так, — думал он. — Ладно, может, экскаваторы или самолёты наши неконкурентоспособны, не того качества, не той цены. Но ведь кефир и молоко нужны всегда и всем. Каждый день. Так почему же стоят в рядок эти ржавые автомобили-молоковозы со спущенными шинами?! Как они-то могли не вписаться в рыночную экономику?”

Много таких вопросов задавал он себе по ходу поисков. И никак не мог понять: почему, кто, каким образом, без войны и стихийных бедствий довёл страну до такой вот разрухи? Вроде все старались во благо. И говорили

о хорошем: свободе, развитии, инновациях. А результат налицо. И теперь на руинах поднялись вот такие вот князьки, которым ни закон, ни порядок не писаны.

Дубравин впервые столкнулся с такой невероятной наглостью и хамством. Поэтому в первую очередь решил заручиться поддержкой и советом бывшего хозяина, продавшего им здание, — директора авторемонтного завода. Может, он чем-то сможет помочь в борьбе со своим арендатором.

Старинный серый, квадратный “Вольво”, давно утративший свой лоск, остановился у зелёных обшарпанных металлических ворот авторемонтного завода. Они зашли на проходную за пропуском. И очутились в помещении с неизменными атрибутами такого рода предприятий: железными вертушками, калитками, окошками, где выписываются бумажки-пропуска. И строгими бабусями-вахтершами в зелёной униформе.

Через пару минут, судя по всему, потраченных на звонки с проходной, они проникли на территорию завода. И надо сказать, на довольно обширную территорию.

“Это надо же иметь такой огромный кусок земли прямо в городе, — оценил намётанным глазом Дубравин. — В столице уже давным-давно его бы застроили торговыми центрами и жилыми домами. А тут ещё, как говорится, и конь не валялся. Всё сохранилось в первозданном виде: зелёные дорожки, питьевые фонтанчики, беседки для перекуров, бюст Владимира Ильича посреди заводского сквера...”

Дубравин привык, что у него в приёмной всегда есть люди. И очень удивился тому, что, кроме пожилой некрасивой секретарши, одетой в длинную помятую юбку, здесь никого не было. Она позвонила шефу. А затем провела их в директорский кабинет, обставленный в советском стиле. Просто, дёшево и сердито. Столы, стулья, кресла, портреты президента и премьер-министра, пыльные бумаги. Ни ковров, ни красивой мебели, ни дорогостоящей электронной техники.

Директор встретил их радушно. Это был высокий седеющий мужчина с нездоровым цветом лица и набрякшими “мешками” под глазами.

“Явные проблемы с почками”, — подумал Дубравин. Директор рассадил своих гостей в неудобные кресла. Достал откуда-то из сейфа три пузатеньких наперстка и грушевидную бутылку коньяка. Капнул в рюмки коричневую жидкость.

В кабинете сразу пахнуло терпким напитком.

Дубравин взял рюмочку. А Чернозёмов, сославшись на “за рулём”, отказался. Обошёлся минералкой.

Чокнулись. Выпили за знакомство. И Дубравин рассказал Ивану Петровичу Савостьянову случившуюся историю.

Старый “боец за собственность” внимательно оглядел своих молодых партнёров и начал рассказывать историю того, в какой борьбе ему довелось поучаствовать, когда происходила приватизация этого и других предприятий. Сколько наездов он пережил, в каких передрягах побывал.

Дубравину рассказывали, что Савостьянов в своё время, когда фабрики и заводы начали загибаться, был назначен внешним управляющим нескольких таких предприятий — банкротов. Он собрал, скупил акции дышащего на ладан производства. И запустил в работу, став, таким образом, владельцем крупного актива. Но Александр не представлял себе, насколько ожесточенной, беспощадной была борьба.

— Последний раз они пытались сбить мою машину с дороги “Кама-Зом”! — вдохновенно рассказывал директор. — А у вас всё проще. Все друг друга здесь знают. Позвонил Иван Петрович Петру Ивановичу: “Милай, тут заезжие москвичи меня обижают. Помоги. Ты — мне. Я — тебе”. Вот так всё и решается.

Так что из рассказа директора как бы опосредованно вытекало: “Боритесь, бейтесь! За своё”.

Наконец, после третьего наперстка они услышали то, зачем сюда, собственно говоря, и пришли.

— Я вас, ребята, поддержу против этого козла. Тем более что этот деятель уже три года не платит ни за аренду, ни за коммунальные услуги, ни за свет.

Ободрённые его обещанием, отравились восвояси. По дороге Дубравин заметил Чернозёмову:

— А Савостьянов крепкий мужик. И не боится.

— Да, у него мощная поддержка есть. Брат в соседней области начальник. Генерал.

“Видно, здесь все так. Все повязаны. Все друг про друга всё знают. Кто к какому клану принадлежит. Кто с кем дружит. Кто кого любит. Какие счёты. Это надо учитывать. Провинция. Впрочем, будем двигаться. Нам отступать некуда. Нужен сильный ход. А силу чувствуют по наглости. Подаём иск в суд. О принудительном выселении генерала”.

При наезде в Москву Дубравин, по совету старого юриста Розенцвейга, направил свои стопы в знаменитую адвокатскую контору имени Генриха Бадвы. Располагалась она в центре столицы, в полуподвале красивого старинного бело-розового здания.

Он покрутился вокруг несколько минут, пока нашёл вход. Спустился на несколько ступенек вниз. Позвонил в домофон, прикрепленный к красивой дубовой двери с бронзовой начищенной ручкой.

Ему открыли. И он оказался в хорошо отделанном небольшом холле. С красивой мебелью, кожаными чёрными диванами, удобными полулежащими креслами и цветами. Ему навстречу из боковой двери выплыла красивая и пышнотелая черноволосяя девушка с округлым овалом лица и небольшой симпатичной горбинкой на носу. Взгляд её чёрных глаз с поволокою остановился на мощной фигуре Дубравина. И прекрасная дочь Израилева спросила:

— Вы к кому?

— Я вам вчера звонил! Мне нужен господин Бадва! — в простоте душевной заявил он, думая, что если контора носит знаменитое имя, то соответственно сам хозяин и занимается с клиентами. Конечно, он ошибался. Старенький Бадва уже давным-давно служил лицом, брендом. А работали с клиентами совсем другие люди.

— Генриха Константиновича нет. Вашим делом он поручил заняться мне. Меня зовут Ирина Хмельницкая, — и она протянула ему свою надутую пряными духами визитку.

Пришлось излагать своё дело ей. Оказалось, женщина она толковая. Во всё вникла. И через неделю вчинила генералу такой шикарный иск, что прямо пальчики оближешь. Всего за две тысячи долларов гонорара.

И вот час иск. Областной арбитраж начал рассматривать иск “Слова” к областному управлению по чрезвычайным ситуациям.

Дубравин, уверенный в правоте своего дела, спокойно сидел у себя на месте, когда к нему залетел взъерошенный и возбуждённый юрист издательского дома. Закиная, как самовар, юрист — такой упёртый, верящий в первенство закона товарищ, — доложил начальству обстановку на фронте:

— Блин, судья даже не стала вникать в наш иск. Зря вы такие деньги потратили.

Дубравин опешил.

— По ходу заседания сразу стало видно, что судью вообще не интересуют никакие доводы. У неё такой вид, как у того кота из мультфильма. Помните, он всё говорил попугаю: “Что ты нам всё рассказываешь — Таити, Таити... Нас и здесь неплохо кормят!” В общем, зря она так старалась, рылась в статьях, искала прецеденты, приводила доводы. Нашим судьям это неинтересно. Видно, им уже дали указания.

Прошла неделя, другая... И каково же было потрясение всех участников концессии, когда они получили решение суда. В иске им было отказано. На основании того, что ещё до того, как они купили это здание, его “хотела приобрести областная администрация”. И не только хотела. Но и якобы приобрела. Только договор, по которому она это сделала, потерялся на поч-

те. Это было настолько нелепо, нагло и бессовестно, что Дубравин даже на некоторое время потерял дар речи.

Эта гнусная бумажка, подписанная некоей судьёй А. Н. Лакиной, показывала ещё одно обстоятельство. За мерзавца в генеральском мундире вступилась областная администрация. И если раньше в России царил бандитский беспредел, то теперь они столкнулись с беспределом чиновничьим, который был намного круче.

Через пару дней суровый человек с густым ёжиком волос и скрипучим вьедливым голосом — юрист издательского дома — принёс ещё одну весть:

— Областная администрация подала иск в суд. О признании нашей сделки о купле-продаже здания недействительной.

Это означало, что их решили ещё и ограбить, ободрать до нитки.

“Дас ист фантастиш! — думал Дубравин, разглядывая очередное решение суда. — Куда я попал? Где мои вещи?!”

Но унывать и рыдать, выдирая волосы на голове, ему было некогда! Надо что-то делать!

После короткого совещания со своими сподвижниками Дубравин решил отправиться в областную администрацию к человеку, занимающемуся возникшей проблемой.

Алексей Хитроев, заместитель губернатора, ведающий вопросами областного имущества, оказался, к удивлению Дубравина, молодым длинным парнем с круглым и курносом лицом, на котором застыло выражение некоторой наивности и интеллигентности. Они встретились. Но почему-то не в здании администрации, а на нейтральной территории. Разговор получился какой-то странный. Естественно, Дубравина интересовало, собирается ли областная власть выполнять законы и отдавать “Слову” его имущество.

Но Хитроев сразу заявил, что он не уполномочен решать этот вопрос.

“Тогда какого хрена мы встречаемся здесь?” — подумал Александр.

Но длинный Лёша развеял его сомнения самым простым и эффективным образом:

— У меня есть время на телевидении. Я делаю местную новостную вставку. Как бы нам слить вместе ваш издательский дом и мою медийную команду? Чтобы совместно вести дела.

Дубравин, который уже достаточно давно работал в медиаиндустрии, прекрасно понял этот тонкий намёк на толстые обстоятельства: “У него в аренде есть время на телеканале, то есть практически ничего, а у меня производство десятков газет. Получается, он, обнаружив наше трудное положение, хочет воспользоваться им и получить долю в издательстве “Слово”. Просто так. За красивые глаза. Интересно”. И в ответ спросил:

— Ну, при таком слиянии мне придётся уступить какие-то проценты. И на сколько вы рассчитываете?

— Может быть, на пятнадцать-двадцать, — не моргнув глазом, ответил длинный Лёша.

“Однако, аппетиты у этих ребят! Им палец в рот не клади!” — подумал Дубравин и ответил просто:

— Это вряд ли возможно. Мы занимаемся газетами и телевидение нам, по большому счёту, ни к чему.

На том и расстались.

Ну, а судебное дело тем временем шло своим порядком. И как ни странно это выглядело, вышестоящая инстанция, не моргнув глазом, подтвердила решение нижестоящей.

Ночью ему приснился сон. Будто он вернулся домой. Открыл дверь. И обнаружил, что в доме полно каких-то странных и одновременно страшных существ. То ли упырей, то ли вурдалаков. Но больше всего там ушастых отвратительномордых гоблинов. Начал он их бить, выгонять. Но никак не мог с ними справиться. Только одних разметаёт, тут же появляются другие.

В конце концов, Дубравин проснулся. И долго лежал в ночи с открытыми глазами. Вспоминал сон. А потом начал молиться. Просить Господа Бога помочь в его непростом деле. Он мысленно говорил: “Люди привыкли, что здесь упыри и вурдалаки и есть власть. И они всё решают. Но так быть не должно. Так мы ничего не построим”.

Под утро пришла решимость.

Приехав на работу, он собрал свой штаб и произнёс короткую речь:

— Вы видите, что законными, нормальными способами с местным правительством мы договориться не можем. Здесь признают только силу. Но даже люди, которые ничего не боятся, хотят, чтобы их уважали и любили. Поэтому им не нравится, когда их делишки выставляют на свет Божий. Гласно рассказывают о них всем. Запомните. В любой борьбе побеждает не самый сильный, а тот, кто бьётся до конца. Нам теперь терять нечего. Будем выносить нашу историю на страницы “Молодёжки”. С Протасовым я договорюсь. Здесь затронуты и их интересы. И пустим заметку через Москву. На всю Россию. Пусть народ любитесь на этот беспредел. Мы не такие беззубые, как они думают. Знаете, давайте уподобимся скунсам. Зверьки маленькие, но воноuche. Их все боятся — и волки, и шакалы.

На слабые возражения оробевших штабистов ответил:

— Вы просто ещё молодые. И не понимаете, что такое сила слова.

Писать убийную заметку Дубравин поручил юристу, человеку по-хорошему упёртому и въедливому.

Но когда он её получил, понял, что, судя по всему, ему самому придётся сидеть за письменный стол и вспоминать профессию, из которой он вышел.

Пришлось покорпеть. Но зато в конце вышел хороший, жёсткий текст под динамичным названием: “Жалует царь...”:

“Представьте себе. Решили вы улучшить свои жилищные условия. Скопили деньжонок непосильным трудом. Вышли на рынок. Купили квартиру. Оформили. И радостно едете вселяться.

Ан нет. В купленной вами квартире жилец. Нет, не хозяин. Жилец, который у него арендовал квартиру в прошлом году и денег не заплатил. Выезжать не хочет. “Мне, — говорит, — тут нравится. Я на унитаз потратился. Буду здесь жить всегда...”

Ну, вы, естественно, в суд. Суд должен приговорить жильца, который ни договора не имеет, ни денег не платит, выселить, а хозяина, то есть вас, вселить.

Но тут в дело вступает друг жильца. И говорит: “Вообще-то я тоже когда-то хотел эту квартиру купить. Поэтому отдайте её мне. Без денег”.

И тоже в суд подаёт...

И суд приговаривает: отобрать у вас квартиру и отдать её другу жильца.

Потому, что он тоже хотел...

Вы считаете, так не бывает. И ошибаетесь. Бывает. Смотря кто жилец и кто его друг. Более того, эта история происходит сегодня на глазах у всей губернии. Только жилец здесь — Главное управление в лице генерала Кутриенко П. С., друг жильца — областная администрация в лице вице-губернатора Хитроева А. В., покупатель — издательский дом “Слово”.

Ну, и суд, естественно, наш, советский... Прошу прощения, теперь российский, в лице судьи Лакиной.

...Помню ситуацию начала девяностых годов. Сокращение чиновничьего аппарата, смурные лица столоначальников, страх за свою судьбу: “А вдруг придётся идти работать?!” И вот прошло десять лет. Как согнанные с деревьев вороны, они, беспокойно каркая, полетали, полетали по стране и снова расселись по местам. Теперь уж в новой России. И если раньше они хоть чуть-чуть да боялись парткомов и райкомов партии, то теперь бояться стало нечего — грабь, бери взятки, воруй...

И пошло, и поехало. Один бизнесмен рассказал, как к нему “делать крышу” приходили. Нет, не бандиты. Функции бандитов взяла на себя родная милиция. Они теперь его за деньги будут “охранять”. Другой — как он с помощью ФСБ конкурентов укрощает. Третий — как его друг-гаишник “Мерседес” купил. Это при зарплате две тысячи рублей...

С революцией началась девятнадцать лет у нас изменился общественный строй. Но вот беда: люди у власти остались те же самые”.

Первый снаряд улетел. Дубравин с интересом разглядывал вышедший номер со своей заметкой. Сколько лет он не писал? Много. Но получилось вроде неплохо. Будем ждать реакции. Администрация никуда не денется. Она обязана дать ответ. По закону — обязана. Но какой бы ответ они ни дали, в любом случае, газета будет в выигрыше. Многие местные начальники даже не подозревали, в какие проблемы они влезают, начиная спорить с прессой.

В принципе, наиболее точна здесь народная мудрость “Всё равно, что плевать против ветра!”

А пока, не дожидаясь манны небесной, он подготовил второй “снаряд”. Съездил в Москву, отвёз туда судебное решение. И попросил знакомых юристов, связанных с администрацией президента, прокомментировать этот опус. В результате доктор юридических наук изумлённо давал оценку решениям местных “шабашкиных”:

— Я, конечно, не участвовал в судебном процессе, а просто изучил представленные документы. Судя по ним, мы столкнулись с фактом вопиющего произвола, когда арбитражный суд выполняет чей-то заказ. Вопреки очевидным фактам, которые никем не могут быть оспорены, судья выносит фактически противоправное решение...

И далее по тексту. Со словами о привлечении судьи к ответственности. Дубравин прицепил к заметке звучный заголовок “Закон, что дышло?” И отправил её в печать.

Совершив эти действия, он задумался. Впереди вышестоящий, окружной суд. Интересно, дотянутся ли лапы местных судейских туда?

От размышлений его оторвал телефонный звонок. Вбежала изумлённая полнотелая, но статная и твёрдонамеренная секретарша:

— Александр Алексеевич! Вам звонят из приёмной... губернатора!

— Да? Как хорошо! — радостно, но с ноткой тревоги ответил Дубравин. Вот, кажется, первый отклик и пришёл.

Приёмная у губернатора, в общем и целом, ничего. Выглядит прилично. На полу — зелёный ковер, скрадывающий шаги. Мебель такая солидная, подходящая для любого учреждения. Часы с длинным маятником в углу. Плотные шторы. А вот само здание областной администрации давно не ремонтировали. Паркет кое-где покособился, батареи отопления старинно-чугунные. Лифты скрипучие. Видно, от коммунистов досталось генерал-губернатору не слишком завидное наследство. Ведь область входит в так называемый “красный пояс”, где у власти прочно обосновалась старая гвардия. За пару десятилетий со времён “контрреволюционной революции” здесь менялись только поколения коммунистов. На смену одному приходило другое. А всё хозяйство тем временем постепенно приходило в упадок под аккомпанемент разговоров о рынке, подъёме, инвестициях. Народ с заводов разбрелся кто куда. И занимался, в основном, выживанием.

Но настроение постепенно менялось. Если первые годы коммунистам удавалось переводить стрелки на “москвичей” и центральную власть, то теперь делать это становилось всё труднее. Тем более что люди видели — соседние области рванули вперёд. Там жизнь лучше и веселее. И вот это недовольство постепенно вылилось в некое движение, некую “фронду” со стороны деловых людей. Но выдвинуть по-настоящему своего, от предпринимателей, кандидата они не смогли. Не нашли. Не рискнули. И пошли проторенным путём. В это время возникла то ли мода, то ли вера в генералов. Они, мол, наведут порядок. Как варяги, прибывшие на Русь. В Красноярске — Лебедь, в Курске — Руцкой, в Ульяновске — Шаманов, в Смоленске — Иванов... В общем, местные элиты подумали и решили обзавестись своим генерал-губернатором.

Послужной список его не изобилдовал какими-то прорывами. Так, ровненько, шаг за шагом двигался он по служебной лестнице, пока не вошёл в лета и чины.

Ну, а в Москве, где уже отчаялись, не зная, как разделиться с “красным поясом”, даже обрадовались. Дали зелёный свет. Пусть выбирают между коммунистом и “государевым человеком”.

Так вот, бывшего губернатора-коммуниста прокатали на всенародных выборах. И победил Кулик. Не совсем тот кулик, что “своё болото хвалит”, а однако ж свой. Удобный. И, в общем-то, неглупый человек.

За ним подтянулись на хлебные места все его заместители. Но так как новый хозяин области слабо разбирался в хозяйственных делах, на экономический и имущественный блок вышли люди из так называемого “бизнеса”.

Надо заметить, что Дубравин чётко различал тех, кто занимается бизнесом, и предпринимателей.

Себя он относил к последним.

Предприниматели — это те, кто с нуля, своим трудом строят дело. А бизнесмен — это человек, который зарабатывает деньги. Независимо, на чём. Так вот, теперь в администрации заправляли как раз бизнесмены — люди, поднявшиеся на “палёной” водке, разделе государственного имущества, ограблении казны, спекуляции и прочих сомнительных операциях.

Приблизительно с таким пониманием расклада Дубравин и пришёл сюда по щекотливому делу, в котором “бизнесмены” из администрации заняли тупую и неперспективную позицию.

Дубравина пригласили. И он вошёл в просторный, ухоженный кабинет с такой весьма удобной мебелью. Всё тут стандартно. Флаги, портреты, большой стол для совещаний. Ковровые дорожки. Всё хорошего качества. Из хорошего дерева. Но какое-то светлое, бесцветное. Никаких ярко выраженных тонов. И, что самое главное, округлое. Без острых углов.

Навстречу Дубравину из-за стола поднялся приличный на вид, явно воспитанный и даже в чём-то интеллигентный седовласый мужчина. Хорошо, спортивно сложенный, но ничем особенным, как и у всех представителей его профессии, не выделяющийся. Впечатление дополнял серый, отлично сшитый костюм.

Поручались. Сели. Кулик спросил:

— Чай? Кофе?

— Лучше чай! — Дубравин так и не научился пить горький кофе.

Как оказалось, Дмитрий Геннадьевич был в курсе всего того, о чём ему начал рассказывать московский гость. Но слушал внимательно. Видимо, оценивал ситуацию.

— Вот, вынудили ваши подчинённые, Дмитрий Геннадьевич, меня вернуться к основной профессии. Взяться за перо, — закончил своё недолгое повествование Александр. — Мы купили это здание. Заплатили деньги. Оформили документы. Всё сделали по закону. А теперь вынуждены бегать по судам. Строчить заметки в газете...

— Всё, в общем, понятно. Но переселение чрезвычайщиков — дело муторное...

— Да там только сам генерал сидит. А ни служб, ни оборудования нет.

— А может, вам подыскать другое помещение?

Дубравин только представил себе весь ужас прохождения ещё по одному кругу. И активно замотал головой:

— Понимаете, мы отказаться от этого здания уже не можем. Завод наши деньги давно истратил. И нам он их не вернёт! — И уже не зная, какой чёрт его дёргает за язык, добавил:

— Нам никакая война не нужна. Мы хотим мирно жить и работать. И, кстати говоря, когда вы шли на выборы, я своим сказал: “Вот человек, который может навести здесь порядок”. Мы надеемся на вас...

— Я поручил разобраться в вашей ситуации своему заместителю Хитрову. И что он вам предложил?

— Мы с ним встречались. Он сказал, что решить вопрос по зданию не в его компетенции. И предложил мне... Чтобы я уступил ему долю в своём издательстве.

— Что?!

— Да, вот так. Сказал, что у него, мол, есть время на телевидении, а у меня — издание газет. Давайте мы сольёмся в экстазе. Можно сказать, предложил скрестить ужа с ежом. С соответствующей долей ему. Я отказался...

И вообще, ситуация эта сегодня никому, по большому счёту, не выгодна, — продолжил говорить о своём больном Дубравин. — Ну, будем мы судиться до посинения. Ну, предположим, в очередной инстанции проиграем. Но я вас уверяю, после каждого судебного заседания в “Молодёжной газете” будет появляться очередная заметка. И что бы мне ни говорили — в конечном итоге я буду писать, что суд продажный, что администрация творит беззаконие, нарушает все нормы права. И скандал этот будет тянуться вечно.

Седовласый генерал-губернатор задумался на минуту, внимательно посмотрел на Дубравина. Потом взял трубку. Куда-то позвонил по внутреннему телефону. И сказал:

— Пусть Хитроев зайдёт ко мне!

Через пару минут в кабинете нарисовался длинный Лёша. На личике у него было написано тревожно-вопросительное выражение.

— Садитесь! — предложил ему губернатор тоном, каким следователь разговаривает с подозреваемым. И продолжил без введения. Сразу в лоб. Как на очной ставке:

— Вот товарищ Дубравин говорит, что ты испрашивал у него долю в бизнесе? Было такое? Или нет?

— Нет! Нет! Ни о чём подобном у нас разговора не было, — с нотками отчаяния в голосе заверещал Хитроев.

— Так было или нет? — теперь губернатор обратил свой строгий взор уже на Дубравина.

Александр этот взгляд выдержал. И твёрдо ответил:

— Было! Я уже сказал. Могу повторить здесь. При нём...

— Иди! — строго заявил шеф своему заместителю. — Потом поговорим. — И обратился к Дубравину:

— Я думаю, мы найдём решение к нашему общему взаимному удовольствию.

— Хорошо! — ответил Дубравин. И поняв, что аудиенция закончена, стал подниматься из кресла...

Он возвращался обратно. В старый офис. И думал о полученном уроке. “Какие из всей этой истории мне надо сделать выводы? Ясное дело. Сегодня и страна в целом, и наши губернии управляются кланами.

И разгромленная в начале девяностых номенклатура берёт реванш. Собирается с силами. Возвращается к власти. И горе одиночкам. Кто ни к одной команде или банде не принадлежит. Горе простым предпринимателям. Им хода не дадут.

Я здесь чужак. И мне надо как-то вписаться в местное сообщество. Иначе будем спотыкаться на каждом шагу. Такие уж времена наступают. Надо, так сказать, учитывать местную специфику”.

Через несколько дней из администрации области поступило письмо с предложением о заключении мирового соглашения в споре за здание. Ещё через месяц, после улаживания формальностей генералу подыскали новое место. А издательский дом начал процесс переезда в собственный дом.

5

У него день отдыха. И, как положено “настоящему мужчине”, он лежал у себя в комнате на диване. Так теперь устроена его жизнь. Разделена на две половинки.

Одна — большая, беспокойная её часть — это дороги, города и веси, дела большие и маленькие.

Другая — московский дом. Точнее, подмосковный дом, лужайка перед ним, маленькая сауна. И много-много книг.

История появления этого дома одновременно смешна и поучительна. Несколько лет назад, когда топ-менеджеры “Молодёжной газеты” стали зарабатывать приличные деньги, всеми овладела страсть к переездам. И люди стали перебираться с окраин и спальных районов столицы в центр. Обозначая тем самым в глазах окружающих свой жизненный успех. Через полгодика переселенцы соображали, что полноценно жить в центре невозможно. И начинали выбираться за город.

Первым этот скорбный путь проделал Протасов. Следом — остальные.

Дубравин посмотрел на процесс. Проанализировал ситуацию. И решил сократить цикл. Сразу из своей “хрущобы” перебраться в загородный посёлок. Строиться.

За рекомендациями он, естественно, обратился к самому Владимиру. Как, мол, дорогой товарищ, построиться без особых хлопот и напряжений? Протасов, который как раз в это время завершал мучительный процесс общения с нашими, родными строителями, дал ему бесплатный, но дельный совет. Пояснив в очень эмоциональных выражениях, с кем Дубравину придётся иметь дело:

— Наши строители никогда, ничего вовремя и как следует не сдают. Постоянно пьяные. И толку от них не добьёшься. Только выгонишь одних халтурщиков, как появляются другие. Каждый вновь появившийся прораб заявляет, что тот, кто работал здесь до него, ничего не соображает в строительстве. И вообще... козёл. А вот он сам — крупный специалист. И сейчас всё переделает, как надо. Короче, дурдом какой-то! И вот что — учти, Сания, так как в нашей раздолбайской стране последние семьдесят лет эта отрасль, строительство индивидуальных домов, не развивалась, то надо просто найти какую-нибудь иностранную компанию. Их сейчас на рынке пруд пруди. И они тебе сделают современный коттедж. Под ключ...

Обогащённый полезным советом, Дубравин отправился в представительство шведской фирмы. И, в конечном итоге, ровно через девять месяцев, прямо в канун российского дефолта, они дом поставили. Привезли на трейлерах и собрали. Казалось бы, живи и радуйся.

Но тут всплыла маленькая проблема. Татьяна, русская душой, отказывалась переезжать за город. Якобы она никогда не сможет туда добраться из Москвы. Нет общественного транспорта. А учиться управлять машиной она не будет. Так как на это не способна. Бойтся очень. Дубравин несколько месяцев уговаривал её попытаться счастья за рулём. На что она категорично-истерично отвечала отказом. И тогда он решился на отчаянное заявление:

— Ну, вот что, дорогая. Давай сделаем так. Ты живи здесь, в Новокино. А я буду жить за городом.

Для неё, воспитанной в твёрдых патриархальных традициях, такая ситуация была неприемлема. И, как это ни странно, права она получила. Причём без взятки и блата.

Началась новая, загородная жизнь. И жизнь эта разительно отличалась от городской. Но ему нравилось. И сейчас он приезжал сюда с простым и ясным желанием — “залечь в берлогу”. Тишина и покой царили в этом, как теперь любят выражаться, “элитном посёлке”. И здесь он с огромным удовольствием читал в основном религиозную литературу. То великое потрясение — открытие правды Божией — не прошло бесследно. Дух его пробудился к поиску красоты и истины. И выражалось это в жадном, непреходящем интересе к чтению. В первую очередь, Библии и Евангелия. Он впитывал в себя каждое откровение, каждый слог этих вечных книг, начиная с самых первых:

“В начале было слово! И слово было у Бога! И слово было Богом!”

Иногда, читая Священное Писание христиан, он думал: “Господи! Как же я жил, не зная, не понимая всего этого? Ведь это новый мир. Другой мир. Другая жизнь! Жизнь вечная!”

Несколько раз он пытался поделиться своими радостями и открытиями с женой. Но она понять их не могла. И, судя по всему, изменения в его мировоззрении только пугали её. И отдаляли их всё больше и больше.

Так что он постепенно замкнулся в себе, ушёл в новый, только ему понятный Божественный мир.

Этот духовный перелом сказался на характере Александра, на его отношении к людям. Он помягчел. Дух его качнулся в сторону добра и милосердия. Он, как и многие неофиты, дошёл уже до того, что готов был отдать первому встречному последнюю свою денежку. И эта готовность не осталась незамеченной людьми корыстными, жадными, алчными. Многие из них хотели пользоваться и пользовались этим.

Дубравину ещё только предстояло освоить ту часть правды Христовой, что выражена в притче: “Не мечите бисер перед свиньями!” А пока он, как губка, впитывал всё, что было написано, наслаждался открывшимися ему радостями веры.

Сегодня он с утра читал книгу священника Меня “Сын человеческий”. И поражался тому, что такой вот удивительный священник убит неизвестно кем и неизвестно за что. Зарублен топором. Александру казалось, что все верующие люди особенные, благостные, добрые, всепрощающие. И их не касаются тяготы и злоба мира сего.

Потом Дубравин отложил книгу в сторону и стал просматривать свежую почту. Письма, служебные записки. Тут, по ходу дела, к нему в руки попал статистический справочник с итогами недавно состоявшейся переписи населения России.

Дубравин заинтересовался. Когда-то в университете он писал дипломную работу под названием: “Демографическая проблема в печати”. И поэтому тема не была ему чуждой. Вот и сейчас он углубился в таблицы и графики с очень даже большим интересом.

— Боже ж Ты мой милостивый! — воскликнул он, когда, продравшись сквозь кривые и столбцы цифр, начал понимать скрытые за ними смыслы. — Да мы же вымираем! Вымираем с огромной скоростью. Приблизительно по миллиону в год!

Это что же такое получается? Если другие народы, наши братья — чеченцы, ингуши, кабардинцы, дагестанцы — плодятся и размножаются, то мы, коренная нация этой страны, идём, образно говоря, “на дно червей кормить” со скоростью “Титаника” в Атлантическом океане!

Он завертелся на диване. Ворохнулась тревога под сердцем: “Русский народ вымирает. Вот они, плоды перестройки и революции. Та-ак! И отчего же это происходит? Низкая рождаемость. Один ребёнок в семье. Высокая смертность. Алкоголизм. Наркомания. Сердечко болит от такой разрухи. Но если так дальше пойдёт, то нам кранты. И народу нашему, и государству.

И никто по этому поводу не горюет, не кричит, не бьёт в колокола. Не гудит, не бьёт в набат наша самая свободная в мире пресса. Не трещит телевизор. Почему? Да потому, что власть имущим эта правда не нужна, не выгодна. А народ, как всегда, безмолвствует. Да и не знает он этой ужающей статистики.

Ну, а я? Если понял раньше других. Чего молчать? Я ведь журналист, как-никак, хоть и бывший. И у меня целая куча газет, в которых кто-то может рассказать о том, что происходит с нашим русским народом.

Впрочем, а нужно ли это самому народу? Он живёт, как во сне. Национального самосознания никакого нет. Вытравлено оно коммунистами, а то и вовсе запрещено. Нет теперь русских. Есть, по Ельцину, “россияне”. Вроде и русские, но какие-то они ненастоящие, недоделанные до конца. А сам я какой? Ну, я-то русский. Я после Казахстана быстро стал русским.

Вообще, интересный вопрос. Кто такие русские? Как их определять? Может, по крови? Вон сколько наших доморожденных патриотов в своих книгах требуют отделения зёрен от плевел. Вроде учёные люди, академики, доктора наук, а плетут Бог весть что. Даже в нашей деревне, Жемчужном, и то все нации перемешались, пережилились друг на дружке. А уж в городах — там вообще, небось, сущая ересь получится. И как тут быть? Кто это будет определять человека на русскость? Комиссия? Как немцы арийцев определяли? По черепам?

Огромная страна. И везде люди живут. И говорят по-разному. И одеваются. На Севере свои закавыки. На Кавказе — свои. А все считают себя русскими.

И понятное дело, нет человека вне нации. Спроси любого — кто он. Каждый ответит. А тут всех одним чохом определили в “россиян”. Не-е, так не будет.

Надо хотя бы для себя разобраться в этом вопросе.

Для начала, наверное, это те, кто считает себя русским.

Правильно!

Если человек считает себя русским, это уже факт, что он хочет им быть.

Ну, а если африканец считает себя таковым? Он что, тоже наш? А по-русски ни бельмеса...

Значит, русский должен быть воспитан в нашей культуре. Знать язык, обычаи. Ну, иметь тот самый культурный код... А ещё что?

Наверное, важно, чтобы он любил Россию. И что-то делал для неё. Эка я загнул. Ведь полно таких, которые свою страну ненавидят и называют презрительно “рашка”, “эта страна”.

Ну, а религия играет роль? Вот иудеи своих считают, признают по религии. Даже из Африки привозят своих единоверцев.

Да, наверное, для полной русскости надо быть православным. Ещё Достоевский говорил о том, что русский человек без православия... как же он там выразился? Сильно так... По-моему, “дрянь”!

Ну, и что же получается? Соответствует ли этим критериям то народонаселение, которое я вижу вокруг себя? Как-то не очень! Они не русские. Они, скорее всего, какие-то позднесоветские. Не до конца созревшие”.

И Дубравин даже рассмеялся такому вот своему странному открытию.

“И когда же они окончательно поймут, что они русские? Когда им кто-то об этом расскажет? Как бы это не получилось по Шекспиру: “Пока травка подрастёт, лошадка с голоду помрёт”.

А что я могу сделать? Сегодня тех, кто отстаивает права русских, власти и либералы числят фашистами и маргиналами. Даже патриотов клеймят разными кличками. Хотя... Волков бояться — в лес не ходить!

Но я могу, в конце концов, хотя бы объяснить народу. Своему народу, что с ним происходит. Ведь они даже не понимают, не знают вот эту правду”.

6

Обстановка располагала. Кафе находилось на бывшей Большой Дворянской улице, в жилом доме. Предприимчивый хозяин, кстати говоря, знакомый Чернозёмов, отремонтировал полуподвальчик, обставил его простенькой мебелью и запустил производство стандартных блюд. Вот сюда, к русской кухне, и приладилась ходить обедать их дружный коллектив. Дубравин — потому, что живёт в городе один. А остальные — с шефом за компанию.

Сегодня они втроем. Медлительный, осторожный Чернозёмов и напористый, “лихой рубака” Тимашов. На столе, как всегда, одно и то же. Лапша домашняя, салатик и какой-нибудь кусок мяса с гречкой. И вроде всё благостно и тихо. Разговор о делах:

— Вы нам задолжали за прошлый месяц триста тысяч рублей. Просрочили уже две недели, — напомнил Алексею Тимашову Чернозёмов.

Тимашов сразу перестал есть и, не раздумывая ни одной минуты, ушёл в несознанку:

— Да ничего мы вам не должны.

— Как не должны?! Поставка дополнительная была! Забыл?

— Та поставка нами оплачена прямо сразу, в тот же день! — начал повышать тон Алексей. — Всё до копейки отдали. И вообще, нам с посторонними работать проще. Там у нас наценка шестьдесят процентов. А с вами хрен чего заработаешь!

— Да вы на нас наживаетесь! И отсрочку платежей получили аж на два месяца, и платите нерегулярно! — тоже перешёл на повышенные тона Чернозёмов.

“Ну, пошла писать губерния!” — подумал Дубравин, сидя между рьяными спорщиками, которые уже почти перешли на крик.

“И так каждый раз. Как только сойдутся, давай давить друг друга. Вроде все свои, а такая нетерпимость. То ли это по молодости. То ли это в крови. У всех русских людей”.

Через пару минут, когда обстановка за столом накалилась до точки кипения, он попытался остановить эту схватку:

— Да кончайте вы орать! — грозно возвысил он начальственный голос.

Ребята замолкли. Сидят оба красные, как из бани. Но видно, не до конца выпустили пар. И через минуту-другую Чернозёмов сквозь зубы процедил:

— Я в суд подам на вас за долги...

Незамедлительно последовала ответная реплика. И... всё началось сначала. По второму кругу.

“Странный мы народ, — думал Шурка. — Какой-то прямо нетерпимый, недружный. Посмотришь на других, тех же казахов, уйгуров, армян — все как-то держатся друг за друга. Одни мы такие равнодушные. С чем это связано? История у нас, что ли, такая, полная междоусобиц. Князья-то наши дрались между собою, ходили походами друг на друга, почитай, каждый год. Даже татар приводили. А смуты какие были, восстания. Гражданская война. Но, видно, наша разрозненность чем-то компенсировалась. Может, числом. Всех готовы шапками закидать. Ну, и нашим индивидуализмом. Мы уже вышли из родоплеменных отношений. Усвоили западные ценности. А там тоже каждый сам по себе. Один Бог за всех!

А может, мы просто привыкли надеяться на государство? В случае чего оно спасёт, поможет. Только сегодня никакого русского государства у нас нет. Наша недружность позволила изгонять и выгнать русских отовсюду. Вон у нас на факультете. Пока был деканом Дмитроцкий Василий Иванович — все преподаватели грызлись между собой. Подсиживали друг друга. А потом пришёл Конжакеев и выпер их всех. Вот и довыясняли отношения.

И так везде. Пока мы грызёмся, они теснят нашего брата!” — с горечью додумал он свою мысль. А потом рявкнул:

— Да замолчите вы! Достали! Совсем с ума сошли!

Потом, поняв, что переборщил, добавил:

— Давайте о деле лучше поговорим. Есть у меня одно предложение. Попробуем его обсудить.

— Какое? — изобразил на лице стопроцентную готовность Чернозёмов.

— Думаю я, что мне надо идти на выборы. В Государственную думу.

Директора переглянулись. И сделали внимательные лица.

Дубравин уже давно размышлял о сложившемся положении. Вспоминал историю с покупкой здания: “Это всё потому, что я здесь чужой. И меня никто не знает. Со своими они всё же считаются. Значит, надо вращать в местную жизнь. Надо заявить о себе. Но как?”

Второй проблемой, беспокоившей его, была обстановка для занятий бизнесом в стране. Она стремительно менялась. Если в девяностые чиновники, деморализованные крахом системы, ещё не очухались, и можно было смело браться за любой проект, то теперь они консолидировались и дружно выстраивали коррупционные схемы для отъёма денег и бизнеса.

— В девяностые, — шевеля усами, рассказывал ему как-то Алексей Тимашов, — можно было получить разрешение на установку киоска за коробку конфет. А сейчас уже требуют долю в бизнесе.

Да, Дубравин и сам видел, что хорошо дела идут только у тех предпринимателей, кто трётся у власти. Независимые либо загибались, либо еле дышали. На всех навалился чиновничий беспредел.

Государство Александру, как и каждому русскому человеку, кажется тёмной враждебной силой, которая непредсказуема и страшна в своей жажде подчинить себе всё и вся. Поэтому каждый русский в глубине души боится власти. И одновременно ненавидит её. Никто в нашей стране не знает, что может выкинуть эта власть. Какой фортель, какой закон. Куда повернёт.

И выходов тут немного. Либо бежать, удаляться от власти, от государства, как делали многие наши предки испокон веков. Либо постараться по-

нять механизм действий этой слепой, бездушной машины и попробовать оседлать её.

Размышляя обо всём этом, Дубравин постепенно шёл к своему решению.

Ну, и главное. Как журналист, хоть и бывший, он понимал, что надо бить в набат. Народ вымирает. И “русский крест”, образованный пересечением линий смертности и рождаемости на демографическом графике, рискует превратиться в большой деревянный.

Выборы как раз дают повод для того, чтобы начать писать и говорить об этой страшной проблеме, которая нависла над страной.

А по опыту он знал, что надо бросить в пространство, в массы идею. И если идея здравая, то она не исчезнет. Её подхватят и донесут до самых верхов. И, может быть, власть хоть что-то сделает для людей.

Но говорить обо всём этом сейчас не стоило. Не время. Да и неважно это. Решение принято. Надо действовать. Так что он спросил просто:

— Ну, и какие на сей счёт имеются предложения?

— Надо собирать штаб! — ответил Чернозёмов.

— Будем готовиться, — поддержал его Тимашов.

7

Наконец-то у него появился свой кабинет на работе. Те, кто привык к стабильному существованию в рамках госструктур, скажут: “Эка невидаль! Подумаешь, достижение! Собственный кабинет”. И только те, кто, как Дубравин, сами делают себя и свою жизнь, знают, что это значит. Собственный, заработанный своими руками, вырванный буквально из глотки у чинуш офис.

Хорошее здание. Неказистое снаружи, внутри после ремонта оно преобразилось.

На втором этаже он и разместился. В приёмной сидит секретарь (один на двоих с Чернозёмовым).

Рабочее место — оно очень многое говорит о человеке. У Дубравина всё строго. И аскетично. Мебель светлая, белорусская. Два окна. На столе только то, что нужно. Никаких лишних бумаг. В шкафах — толстые книги. Только иконка с ликом Сергея Радонежского и портрет Путина в майке “Молодёжки” хоть что-то говорили о хозяине.

И вот в этот самый кабинет с утраца залетела миловидная, слегка заполюшная заместитель директора издательского дома “Свободное слово” и по совместительству депутат городского собрания Марина Сорокаумова. И начала быстро-быстро говорить:

— Ксан Ксеич! Такая новость! Такая новость! Я сейчас была на заседании в Думе и там встретила Ивана Петровича. Он мне сказал, что у нас в области московский олигарх Хоторковский открыл отделение своего “Открытого мира”. Они готовятся к выборам. Будут создавать партию. Туда уже все побежали. С такими деньгами он точно купит весь наш парламент. Надо и нам срочно к ним ехать...

— Марин! Подожди. Не тараторь так сразу. Сядь! Выпей чайку. И по порядку мне всё расскажи. До выборов ещё далеко. Больше года. И торопиться не надо.

После недолгого, но обстоятельного разговора с девушкой выяснилось, что один из новоявленных хозяев жизни, так называемых олигархов, решил приступить к приватизации государства. И для этого будет собирать свой собственный парламент.

Дубравин сказал:

— Ну, что ж, давай посмотрим! Повстречаемся с представителем этого новоявленного российского Буонапарте!

Представитель олигархических структур в славном городе “Ч” был молод, обаятелен, модно одет и чрезвычайно самонадеян. Дубравин определил его для себя как менеджера нового, недавно выросшего поколения. Шустрые ребята с дипломами об иностранном образовании и начисто лишённые индивидуальности. При встрече с такими Дубравин всегда задавался вопросом: “Их что, по одной форме отливают? Как пластмассовых кукол?”

Молодец поправил аккуратный галстучек и повелел прибывшим, что господин Хоторковский очень даже продвинутый бизнесмен и жертвует весьма крупные суммы на образование через “Открытый мир”. А теперь он регистрирует партию, которая возьмётся переустроить Россию на основе принципов свободы, равенства и братства по западноевропейскому образцу.

Дубравину, кстати говоря, очень даже импонировали эти принципы. Однако его смущали люди, которые взялись за такое отчаянное дело. Поэтому он слушал эффективного менеджера в некоей задумчивости: “Может, и получится у него. Ведь московские мои кореша рассказывают, что Хотор уже купил “Союз мощных сил”, надкусил “Грушу” и выкладывает немаленькие деньги, приманивая неподкупных лидеров коммунистов. Мало того, он подбирается с мешками денег и к “Главной партии России”. А теперь решил поработать с одномандатниками. И для этого при “Нукосе” создано политическое управление, которое и формирует в регионах “мобильные группы”.

Технология продвижения людей уже отработана. Суть её проста, как колумбово яйцо. Голоса избирателей покупаются. Для этого с ними заключаются индивидуальные договоры “на оказание помощи” с выплатой вознаграждения прямо на участке. И с точки зрения юридической тут комар носа не подточит. Абсолютно законная схема.

Пока юный посланец бога Меркурия разливался соловьём, он решил: “Такие люди как я, независимые и самодостаточные, для них, в общем-то, подходящий контингент. Но хочу ли я сам участвовать в такой игре?”

Олигархи будут сами управлять страной. Им не нужны надстройки и промежуточные звенья в виде администрации президента. И его самого. С помощью кулуарных депутатов они перейдут от президентской к парламентской форме правления и, таким образом, “приватизируют” и государство.

Но весьма сомнительно, что в Кремле будут молча наблюдать за этим процессом. Так что прежде, чем соглашаться на эту авантюру, надо хорошенько подумать, а нужно ли оно мне?”

После визита он рассказал о своих сомнениях миловидной депутатке. И добавил:

— Похоже, нам с этими ребятами не по пути. Разной мы с ними крови. А нам нужны единомышленники.

Прошло какое-то время. И вот как-то с утра снова залетела к нему в кабинет Марина Сорокаумова. И быстро-быстро заговорила:

— Ксан Ксеич! Включайте телевизор! Такая новость! Такая новость!

— Какая, Марин?

— Хоторковского арестовали. Прямо в самолёте взяли. В аэропорту...

— Угу, — заметил Дубравин.

8

Вдруг откуда ни возьмись появился... новый бренд.

Дубравин ехал в своём автомобиле с загородной дачи и, не торопясь, прокручивал в голове предстоящий рабочий день. Неожиданно для себя он заметил, что сегодня весь длинный главный проспект заклеен большими синими баннерами с патриотическими лозунгами и новым партийным брендом.

“Русь” поднимет дух нации!” — прочитал он лозунг на очередном плакате. И отметил про себя: “Надо присмотреться к этой партии. Вдруг это те самые люди, которые мне нужны?”

Поиски были долгими. Никто из бомонда не мог понять, откуда растут ноги у внезапно появившейся “Руси”. Но, в конце концов, Дубравин получил заветный телефончик, по которому ему сообщили некий московский адрес, где и базировалась великая и независимая партия.

И вот как-то осенью, оказавшись по делам в столице нашей Родины — городе-герое Москве, — он решил посетить штаб “Руси”, дабы лично убедиться в её намерениях и, может быть, даже обрести единомышленников.

Долго ходил он по запутанным переулкам Китай-города. Тыкался в разнообразные двери офисов, пока, наконец, не набрёл на небольшой особня-

чок, на двери которого висела табличка с соответствующей надписью. Открыв эту дверь, Дубравин зашёл внутрь длинного коридора. У столика сидел пожилой хмурый дядя в чёрной робе. Привратник. Дубравин спросил его:

— Скажи-ка, дядя! Не здесь ли находится штаб знаменитой на всю Россию партии “Русь”?

На что дядя ему и ответил прямым текстом:

— А Бог его знает, что здесь находится. Какое-то рекламное агентство. Это точно. А насчёт партии я сильно сомневаюсь. Находится ли в наличии — не могу сказать.

В эту минуту двери осторожно открылись, и на пороге помещения появился старый знакомец Дубравина ещё по “Молодёжной газете” — тонкий, звонкий и прозрачный Сашка Киселёв. Оба обрадовано вскинули глаза друг на друга. Счастливо обнялись, похлопывая ладонями по спинам. И разговорились:

— Санёк, здорово! Какими судьбами? Ты всё такой же юный и счастливый!

— Здравствуй, Александр Алексеевич! Это вы какими судьбами в наши края?

— Помнишь фермера Онегина?

— Конечно, помню брата Петю.

— А ты как здесь? Ты же в Африке был, галоши и шляпы туземским вождям продавал. И когда мы с тобой последний раз разговаривали, ты был страшно доволен африканской жизнью. И африканскими женщинами...

— Да, было времечко золотое, — ясный взгляд голубых глаз Сашки слегка затуманился. — Но там мода переменялась. Я потом торговал ещё серпами, косами, тяпками. Капиталец сколотил. И решил вернуться на Родину. К родным берёзкам. Понимаешь, домой потянуло.

— Ну, понятно. Может, ты мне объяснишь, где здесь имеется в наличии такая великая и знаменитая партия?

Засмеялся, показывая сахарные зубы, Киселёв. И открыл великую тайну:

— Здесь вообще-то находится пиар-агентство, которому поручено продвигать этот бренд. И я в нём работаю. Мы всем занимаемся. В любой стране СНГ готовы обеспечить и организовать выборную или пиар-кампанию. Вот попутно трудимся и на этом направлении.

— Кто ж вам такие деньги отваливает?

— Меня особо в эти игры не посвящают. Но, как я понимаю, просто Кремль решил таким образом оторвать на предстоящих выборах голоса патриотически настроенных сограждан у коммунистов. И для этого финансируют создание такой вот национально ориентированной партии. Ну, что ж, как говорится, дело мастера боится!

— То есть, как я понимаю, партия создаётся только в сознании людей? А на самом деле её не существует?

— Ну, почему? Есть номинальный лидер партии. Господин Котов. А сама она зарегистрирована в Минюсте.

— А он откуда появился на горизонте? Среди наших записных патриотов я что-то его не замечал. И интереса к русской тематике до последнего времени у него, как я понимаю, не было.

Сашка даже не замаялся:

— Раньше он был во фракции “Россия — наш общий дом”. Участвовал в выборах.

— То есть, партия сказала: “Надо!” — Комсомол ответил: — “Есть!”

— Угу!

— Ловко!

— Ну, люди работают. Думают. Чувствуют, откуда ветер дует.

— Ладно. Веди меня к своим шефам. Поговорим.

В заваленном планами, графиками, выборными плакатами кабинете его принял небольшой лысый человечек с бородкой. Быстрый, вёрткий, он посадил Дубравина в шаткое, одноногое креслице, а сам, стремительно двигаясь перед ним по комнате туда-сюда, как маятник, принялся объяснять ему грандиозность замысла:

— Я сам в Кремле не бываю! Но думаю, что это более чем в платформе “Руси” имеются цитаты из книги ВВП. И шефы частенько говорят, что “его мысли совпадают с нашими целями”. А основной общественно-политической миссией партии названо “возрождение духа нации для построения в России справедливого и безопасного общества”.

— Аккуратно сказано, — усмехнулся Дубравин. — Не Россия для русских, а возрождение духа нации.

— Да! Да! Вы быстро схватываете, товарищ!

— Ну, а в экономике что получается?

— Тут, как я понимаю, нет духа коммунизма. Призрака коммунизма, как его представлял Карл Маркс. Помните Манифест: “Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма”? Здесь никаких призраков нет. Есть только здравый смысл. И программа называется “Русский экономический прорыв”. В ней отмена налогов. Снижение подоходного. Короче, экономический либерализм с примесью популизма.

И так этот маленький картавый человечек в костюме-тройке заворачивал, что через полчаса Дубравин уже думал: “А почему бы и нет? Пусть они идут своим путём. Сначала раскручивают структуру партии, а уж потом направляют, наполняют её кадрами. Почему бы не и “Русь”? У меня одиннадцать предприятий по всем регионам. В каждом регионе имеются свои собственные газеты.

Может, мне взять на себя эту партию? Развернуть её до настоящей партии и двигаться дальше? Вперёд и вперёд. К новым высотам”.

В общем, выехал Дубравин из столицы нашей Родины города-героя Москвы уже с удостоверением в красной бордовой обложке, что он, Дубравин А. А., является уполномоченным по субъектам ЦФО объединённой российской партии “Русь”.

Радовался Дубравин такому своему приобретению. Носился с ним. Оказалось, как дурак с писаной торбой. Прошло три месяца. Позвонил он как-то в штаб партии, чтобы доложить о сделанном. А голос знакомого привратника ему ответил:

— Съехали они все отсюда.

— Куда?

— Они всем агентством полетели в Казахстан. Организовывать выборы президента этой страны.

— А когда будут?

— Ну, месяцев через восемь вернутся. Денег заработают. И вернутся. Так что ждите.

И гудки, гудки, гудки...

9

На ловца и зверь бежит. Пока Дубравин безуспешно пытался разобраться в хитросплетениях российской политики и искал идейных соратников по борьбе за благо русского народа, за ним, оказывается, тоже пристально наблюдали местные функционеры. И вот однажды, прямо после очередной встречи с казачьими активистами к нему подошёл не старый ещё, но очень худой человек с явно офицерской выправкой. Поношенный штатский костюм и хорошо поставленный командирский голос окончательно убедили Дубравина в его догадке. Подполковник в отставке Андрей Петрович Певунов сразу взял быка за рога:

— Я читал ваши статьи по русскому вопросу. Полностью согласен во всём! — глядя прямо в глаза своему визави, чеканил он фразу за фразой. — Вам надо идти вместе с нами.

Дубравину понравился такой подход:

— А с кем это — с вами?

— С партией “Патриоты всей Руси”!

— Это которая откололась от КПСС?

— От КПрФ! — поправил его отставник.

— Интересно! — задумчиво произнёс Александр. — И какова ваша платформа?

— Я давно наблюдаю за вами. И вижу, что, по большому счёту, вы наш человек. Вы под нашу программу так и стелете! — И Певунов, не давая Дубравину вставить ни слова, принялся рекламировать свой товар. Пока его собеседник вспоминал то ли скандал, то ли историю, которая не так давно случилась с российскими наследниками коммунистов, Андрей Петрович обрисовывал грандиозные перспективы:

— Это такая могучая партия! А каким человеком она возглавляется!

И дальше у него выходило, что Сипягин прямо ух! Как Чапаев! И смелый, и сильный, настоящий вождь партийный!

А главное, у этого батьки есть “золотой запас”.

Тут, наконец, Дубравин вспомнил историю с так называемым “кошельком коммунистов”. И то, как, громко хлопнув дверью, ушёл от “папы Зю” этот его верный адепт.

Андрей Петрович, пропев свой дифирамб очередному вождю, продолжал искусно вязать узлы и петли:

— У нас через две недели будет съезд. И пройдёт это мероприятие не где-нибудь, а на самой Поклонной горе. В здании музея, рассказывающего о подвиге защитников столицы. Я вас настойчиво приглашаю на этот съезд в качестве гостя. Чтобы вы лично убедились в нашей мощи и правильности идеи. Поняли дух партии. И там я вас постараюсь познакомить с великим человеком.

Ну, и как такому откажешь?

Строго в назначенное время прибыл товарищ Дубравин к месту съезда. Машину пришлось оставить далеко-далеко, а самому пешочком прогуляться через парк к величественному, типично советскому зданию мемориала. Путь его пролегал по длинной аллее среди цветов и зелени, мимо притаившейся в парке синагоги. Наконец, он вышел на огромную площадь, из центра которой вырастал гигантский штык.

У подножия монумента происходило какое-то действо. Судя по всему, возложение цветов и венков. Там стучали барабаны пионеров, кучка важных пиджачных людей стояла по стойке смирно.

Церемония закончилась. И съезд — а это и был он — устремился в сторону музея Великой Отечественной войны. Дубравин, увидев в последних рядах Певунова, немедленно присоединился к нему.

Все прошли в небольшой зал. В президиуме по-хозяйски разместился Сипягин. Вокруг него — соратники. Участники, как куры на насесте, расселись в амфитеатре.

Действо началось. Сначала выступал “вождь”. За ним на трибуну один за другим поднимались академики, доктора исторических наук, профессора, функционеры. В ходе съезда выяснилось, что фирменной фишкой партии является так называемое “народное правительство”. Видно, кто-то шибко умный по части пиара придумал такой технологичный ход. Создать, как это делают на Западе, этакое теневое правительство. И как бы в засаде ждать смены власти. Случись что, а у нас уже есть готовые министры.

Сидевший на самой верхотуре Дубравин слушал пояснения своего чичероне Андрея Петровича, кто есть кто в этом народном правительстве.

— Вот этот, с краешку сидит, это наш министр культуры, — говорил он, указывая на знакомое по телевизионным боевикам лицо актёра. — А вот тот, рядом с товарищем председателем, — премьер-министр.

Глядя на черноволосого, гладкого, с блестящими глазами, ухоженного “вождя”, Дубравин без объяснений понял, что перед ним — сам президент. Народ что-то бубнил в микрофон. И Дубравин по мертвящему духу съезда понял, что здесь собрались в основном “бывшие”. Те, кто был элитой при советской власти, а теперь, потерпев вместе с нею фиаско, пытается взять реванш.

Речи функционеров невинтные, вялые, народ больше тусклый, скучный. Как побитый молью. Весь регламент съезда, похоже, был скопирован с со-

ветского. Отсюда выбор места и состав участников. В зале былой славы. Среди бронзовых бюстов полководцев.

Съезд чуть-чуть оживился, когда в президиуме появились почётные гости. Среди них Дубравин с радостью увидел знакомое ещё по советскому времени лицо редактора “Молодёжной газеты”. Теперь, под конец своей блестящей карьеры на высших государственных постах, он тоже завёл себе мини-партию. И, как её глава, торжественно и важно поприветствовал коллег.

Из его речи Дубравин понял, что басня Крылова “Кукушка и Петух” до сих пор весьма актуальна.

Гости покинули зал. И съезд продолжился в том же режиме. Из полных мёда речей становилось окончательно ясно, кто в доме хозяин. И на чьи деньги содержится эта тёплая компания.

Слушая идущее по накатанной колее пустословие, разглядывая построенный “демократом” Лужковым мемориальный комплекс, Александр думал: “Что я здесь потерял, в этом советском прошлом? Какие тут жаркие дебаты? Какие прения? Всем и так всё ясно. Как хозяин скажет, так и будет. А мне надо сваливать отсюда подобра-поздорову”.

Андрей Петрович, видимо, тоже пришибленный атмосферой партийного праздника, приуныл и приуमолк.

Не дождавшись окончания заседания, не удостоившись встречи с “великим человеком”, Дубравин отправился восвояси. “Пришёл я на съезд — кто больше съест! — саркастически думал он про себя. — А ухажу несолоно хлебавши”.

Проходя к автомобилю тем же путём, мимо синагоги, он машинально отметил: “Как похоже! Стоит большой памятник победе всего народа в великой войне, но хочется иметь хоть и маленький, но свой. Так и здесь. Есть одна большая партия коммунистов, но хочется иметь свою. Карманную!”

10

Один знакомый отставной генерал, работающий в администрации страшно сказать кого, прослышал о хождениях по партиям нашего героя и решил ему помочь. Через Марину Сорокаумову он предложил познакомить Дубравина с серьёзными людьми из “Главной партии России”.

И вот в назначенный день и час Дубравин появился в прихожей Государственной думы, где стоят на входе рамки металлоискателей и строгие прапорщики в красивой форме.

Он протянул паспорт с полученным в окошке разовым пропуском и поставил на транспортёр сканера свой чёрный кожаный портфель. Цепкий, профессиональный взгляд фсощника сличил фотографию с оригиналом. И Дубравин прошёл в огромное фойе первого этажа. Здесь он оказался в окружении разноцветных картин какого-то приличного художника, разместившего свою выставку в этом политическом муравейнике. Вокруг стояли магазинчики, торгующие сувенирами с государственной символикой, книжками и портретами.

Но ему надо было выше. И Дубравин по широкой лестнице, устланной красными ковровыми дорожками, поднялся к лифтам.

“Вот я и в Думе!” — с лёгкой иронией и некоторым страхом подумал он, шагая по коврам длинных коридоров с дубовыми дверями и панелями. Попутно приглядываясь к табличкам и местным нравам. Судя по всему, жили здесь строго по ранжиру. Рядовые депутаты ютились вместе с помощниками в небольших кабинетах. Заместители председателей комитетов уже имели предбанники для секретарей и помощников. Ну, а председатели — те полноценные начальники со всеми необходимыми атрибутами власти.

“Всё, как в советское время, — сообразил Александр, вчитываясь в таблички. — Номенклатурные привычки неискоренимы. Они въелись в плоть и кровь людей руководящего слоя. Небось, здесь и в столовых идёт деление на категории. Залы для технического народа, для рядовых депутатов и для начальства. А главным бонзам подают еду прямо в кабинеты. Всё, как было и при коммунистах”.

Наконец, он добрался до входа в отсек, где расположилась “Главная партия”. Тут он увидел большой холл, завешанный портретами вождей. И широкую дверь в приёмную очередного великого человека — заместителя председателя фракции.

В приёмной сидела уже достаточно пожилая, много чего повидавшая на своём веку добродушная полная тётянка. С её слов оказалось, что начальника на месте нет. Он на заседании.

Пришлось Дубравину приземлиться на стул рядом с ещё двумя посетителями. Одна из них — женщина с угнетённым лицом и заплаканными красными глазами. А вот второй интереснее. Это был отправленный в отставку боевой генерал, прославившийся во время второй чеченской войны. Он был в штатском костюме, мешковато сидящем на нём. Лицо нервное, хмурое, опухшее. Генерал пытался читать какой-то промышленный журнал, неизвестно как попавший сюда. Это ему плохо удавалось. Он бросил его на столик. И через несколько минут вышел в фойе покурить.

“Наверное, он злится оттого, что ему приходится ждать. Чувствует себя униженным!” — догадался Дубравин, принимая чашку душистого чая из рук секретарши. Он попил чай и читал брошенный генералом-десантником журнал “Металлообработка”.

Продолжалось это достаточно долго, пока, наконец, в холле не послышался оживлённый разговор и не появился сам хозяин вместе с генералом.

Александр Адамович Короткевич был тоже из военных. Этаким располневший атлет-физкультурник. У него было круглое лунообразное лицо со вторым подбородком и пингвинья фигура. Она чаще всего появляется у людей, которые долго занимались спортом с большими физическими нагрузками, а потом одновременно бросили это дело.

Короткевич оглядел присутствующих быстрым взглядом, видимо, определяя важность посетителей, и проводил генерала-десантника к себе в кабинет.

В полуоткрытую дверь Дубравин улавливал их разговор:

— Меня тут поставили председателем комиссии, которая занимается делами ветеранов боевых действий и пенсионеров. Давай я тебя введу в состав этой комиссии. Будем работать... А, Володя?

“Видно, война для десантника была звёздным часом. А теперь вот он, чтобы не помереть от тоски и скуки в отставке, ищет себе хоть какое-то занятие”, — решил Дубравин.

Дверь в кабинет закрылась, и оставшуюся часть беседы двух отставников он уже не слышал.

Провожая на выход своего товарища, Короткевич сказал, словно продолжая разговор:

— Приняли сырой закон о льготах. Народ недоволен страшно. Будем на комиссии обсуждать.

Возвращаясь от двери, он приостановил уже нацелившегося Дубравина:

— Минуту подожди! Мы с тобой подробно всё обсудим. А я по-быстро-му человека отпущу.

И кивнул заплаканной просительнице:

— Заходите!

Быстро растянулось на полчаса. Но, в конце концов, Дубравин всё-таки добрался до кабинета.

Дальше действие происходило по обычному сценарию.

Судя по тому, как заблестели глаза под белёсыми ресницами общественного работника, рассказ Дубравина очень даже заинтересовал его. Он, видимо, понял, что пришедший посетитель — человек не только с амбициями, но и большими медиа-ресурсами. И упускать такой вариант не собирался.

— Всё понятно! — выслушав рассказ Александра, сказал Короткевич. — Беру тебя на заметку. И в работу...

Поговорили, как родниковой воды напились. Окрылённый такой перспективой Дубравин уже собирался уходить, но Короткевич добавил и кое-что от себя:

— Сейчас в партии большие перемены. Но они закончатся. И тогда твой ресурс будет востребован по полной. А пока я тебя включу в состав комиссии

по работе с ветеранами и пенсионерами. Приезжай. Первое заседание скоро. “Видно, он туда всех своих знакомых и друзей собирает. Ну, что ж, это хорошо!” — думал Александр, покидая величественное здание на Охотном ряду.

Однако, как говорится, и здесь недолго музыка играла. Прошло несколько недель, а Короткевич на связь не выходил... Дубравин звонил по заветному номеру сам. Но представитель главной политической силы был то на вечном совещании, которое плавное перетекало в вызов к вышестоящему руководству, то в бессрочной командировке на краю света.

А потом по телевизору сообщили, что его перевели с должности. И теперь он, как простой депутат, сам изо всех сил бьётся за то, чтобы попасть в заветный список на новых выборах.

Так ничем завершился для Дубравина и этот поход в столицу “за зипунами”.

Но он не унывал. И судьба в лице знакомого генерала подбросила ему ещё одну встречу. С олигархом.

— На самом деле, — объяснил ему диспозицию генерал из администрации страшно сказать кого, — не партийные функционеры определяют политику. А те, кто ими руководит. Давай я познакомлю тебя с Иваном Петровичем Дубовским, миллиардером, олигархом, бывшей большой советской шишкой. Он и рулит политикой в славном городе “Ч”.

Московский офис олигарха располагался в красивом уютном сине-белом особняке с башенками как раз напротив храма Христа Спасителя. Дубравин приехал заранее. И несколько минут они с генералом перетгирали повестку дня.

— Ты прямо говори ему: “Я готов завалить на выборах этого вредного коммуниста! Делайте ставку на меня!”

И товарищ повёл его длинными переходами. В личную столовую Дубовского.

Невысокого роста, седой, краснолицый, в хорошо сшитом синем костюме и ослепительно белой рубашке, он встретил гостя тепло и добродушно.

Пригласил пообедать. Стол застелен такой же ослепительно белой скатертью. На столе — вазы с цветами и краснобокими яблоками. Обед вегетарианский. Но с коньячком. Пропустили пару рюмок. И Дубравин, как ни странно, почувствовавший в этом энергичном дедушке родственную душу, с юмором рассказал о походе в Думу. И о том, как Короткевич быстро и эффективно исчез с политического горизонта.

— Да, это народ такой, скользкий, — заметил Иван Петрович, — с ними трудно работать. Но приходится. Вот и сейчас выборы приближаются, а подходящего кандидата на один из участков у них нет.

Он поглядел задумчиво на купола храма Христа Спасителя, видимые из окна столовой. И продолжил:

— В деревнях у нас проблемы решены. Там всё схвачено. А вот в самом городе вряд ли удастся победить. Народ у нас своенравный. И очень даже может прокатить нашего кандидата. Боюсь, что нам этого коммуниста не победить. И не знаю, кто это сможет сделать!

На что Дубравин ему самонадеянно заявил:

— Я смогу! Сто пудов! Команда у меня имеется. Опыт у ребят какой-никакой есть. Да и сам я — вполне, — он ввёртывает модное словечко, — креативный человек!

Старому олигарху такая его речь пришлась по нраву. Видно, он сам вспомнил горячую комсомольская молодость. И расстались они вполне довольные друг другом.

11

Вот неделя-другая прошла. И из губернской администрации раздался звонок:

— Здравствуйте! С вами говорит заместитель губернатора Максим Артурович Кучинов. Александр Алексеевич, не могли бы вы заехать ко мне?

— Конечно! В какое время?

— Да хоть сейчас! Я буду вас ждать. Выпишу вам пропуск.

Дубравин взял ноги в руки и через городские пробки и заторы помчался в центр.

Кабинет у этого заместителя большой и красивый. Мебель новая. Блестящая. И сам он весь благообразный, гладкий. Бывший заместитель по кадрам, переехавший из областной ФСБ в областную администрацию. Человек команды.

“Умеют же люди жить”, — подумал Дубравин при виде этого великолепия.

— Мы хотим пригласить вас в качестве кандидата от партии власти на выборы в Государственную думу, — объявил ему Кучинов волю олигарха. — И надеемся на плодотворную работу.

“Ну, наконец-то, — сообразил Дубравин, — дело двинулось. Вот оно — счастье!”

— Что надо делать? — с готовностью спросил он.

— Скоро начинаются внутрипартийные праймериз. И мы бы хотели, чтобы вы в них поучаствовали.

— Ну, что ж, я готов!

Как когда-то слова из старой советской песенки о любви, где парня звали “по-грузински Айванес, а по-русски Ваня”, вошли в быт, так и сейчас английское слово “праймериз”, а по-русски — “пробы” — быстро вошло в политический обиход.

Собрали в обеденный перерыв народ в зале для конференций большого родильного дома. В креслах — сплошь женщины в белых халатах. Рассадили по местам. И пустили на трибуну будущих кандидатов. Дубравин выступал вторым. И, судя по реакции зала, выступал здорово. Своим рассказом, что называется, “зацепил” врачей, акушеров, медсестёр, нянечек:

— Все вы прекрасно знаете, что у нас в стране именно женщины решают, сколько детей будет в семье. Это их выбор. И сейчас у нас на семью в среднем приходится одна целая две десятых ребёнка. Почему? А потому, что наши женщины решили: зачем плодить нищету? И ограничиваются чаще всего одним ребёнком. А должно быть хотя бы двое. Так вот, моя программа как раз и нацелена на то, чтобы у нас в молодых семьях, где только начинают жить совместно, поменялась установка.

В общем, чрезвычайно довольный собой, он с интересом выслушал вялое бормотание остальных кандидатов. И думал, что победил.

Каково же было его удивление, когда на следующий день появились результаты. Чёрным по белому в сводке было написано, что он занял последнее место.

Он возмущился. И, вместе с тем, ему стало интересно. Поехал в Москву к пиар-менеджеру и старому товарищу Сашке Киселёву. Бывший африканский торговец шляпами и блестящими галошами уделил, несмотря на занятость, время своему товарищу. И популярно объяснил законы политической борьбы нового периода.

Разговор получился откровенный:

— Здравствуй, Александр! Хочу у тебя проконсультроваться. Тут такое дело. Ввязался я в выборную кампанию. Пошёл на праймериз. И в результате пролетел. Открой тайну. Разъясни мне, тупому, что я делаю не так?

Сашка смеялся так долго, что в конце даже закашлялся.

— А деньги где?

— Какие деньги?

— Наивный вы человек, Александр Алексеевич! На каждом этапе нужно платить.

— Но я же договорился с олигархом!

— Ха! “Жалует царь, да не жалует псарь!” Знаете такую поговорку? Надо было миллиона два отстегнуть организатору этой комедии под названием “праймериз”. И всё бы прошло без сучка и задоринки.

— Так, ты давай мне, Саня, всё расскажи по порядку. Что? Как? Кому? А то я, как слепой, бьюсь. Хорошо?

— Помните, Александр Алексеевич, товарищ Сталин когда-то говорил: “Неважно, как голосуют. Важно, как посчитают”. Так вот и сегодня на наших выборах это — аксиома.

Наши чиновники из всего хотят извлекать выгоду. Вот и ввели праймериз. Как на Западе. Вроде хорошее дело. Но во что оно превратилось у нас? В средство сбора денег. И отсеивание неугодных власти кандидатов. Поэтому для вашего олигарха вы, может, и хороши. Но исполнителям, организаторам этих самых выборов вы чем полезны? Ничем! Вот они вас и бортуют. Им не до высокой политики. Их интерес прост. На выборах все хотят заработать. Так что надо внести. И всё пойдёт как по маслу.

— Ну, ты даёшь стране угля!

Сашка засмеялся и ответил присказкой:

— Хоть и мелкого, но много!

— Ну, а вообще, как это организуется? Давай выкладывай! Как списки возникают?

— Есть три составляющих. Главная — деньги. Парламентские партии — те, которые могут обеспечить стопроцентное прохождение в Думу, продают места за несколько миллионов долларов.

Кроме того, они бесплатно приглашают медийных персон, которые должны обеспечивать интерес электората. Отсюда в списке появляются также разного рода спортсмены, артисты, ведущие телеканалов.

Кроме того, партии должны показать свою демократичность и народность. Для этого в список вводится несколько учителей, врачей, рабочих. Впрочем, рабочих давно нет. Был один у коммунистов. Да и того поёрли.

Есть ещё и квота от Москвы. Кремль спускает разнарядку для всей России на регионы. Чтобы, значит, продвинуть своих людей.

Ну, вот так и формируется партийный список. Да, совсем забыл! В нём обязательно должны быть те, кто организовал партию. Они, конечно, в начале списка. Идут так называемыми паровозами.

— Да, сложненько!

— Чего тут сложного? Плати — и получишь депутатский мандат. Это такой беспроблемный партийный бизнес. Хотя иногда бывает и так: заплатят и всё равно пролетают. Это когда партия вдруг недобирает голоса. Редко. Но бывает.

— Ну, а деньги-то куда идут? На выборы? — углубился в вопрос Дубравин.

— Не-ет! Не совсем так. Платные кандидаты — богатые буратины — должны обеспечить всё. Оплатить весь банкет. И за себя. И за того парня. Если есть очень большие деньги, можно купить партию целиком. Вот Хоторковский пытался купить всех оптом. Кремль не дал. А так — пожалуйста. За ваши деньги — любую прихоть.

— Ну, ладно. Я понял расклад. В партиях, похоже, мне делать нечего. У меня таких денег нет.

— Если нет денег, можно оплатить взнос медиа-ресурсом.

— Ну, это как-то не совсем честно. Журналисты будут ворчать.

— Тогда платите. По моим прикидкам, собранные с “буратины” деньги распределяются так. Процентов пятьдесят здесь же, не отходя от кассы, откатывают себе на нужды лидеры и создатели партий. Сколько из этого они заносят на самый верх, я не знаю. От оставшейся половины отпиливают непосредственные исполнители. Организаторы и руководители выборной кампании. Разного рода маркетологи, креативщики, пиарщики. Ну, и процентов двадцать—двадцать пять от собранных денег идут собственно на выборы: печатание листовок, буклетов, закупку площадей в газетах, времени на телевидении. И, естественно, на подкуп избирателей с использованием так называемых “грязных технологий”.

— Понятно! — заметил Дубравин. — Это те партии, которые имеют твёрдую уверенность, что их список пройдёт. А остальные? Мелочевка эта как?

— Маленькие партии, не имеющие возможности торговать местами, существуют на средства владельцев этих партий. Или ищут спонсоров. Возможны также варианты с популярными людьми. За ними охотятся. Приглашают в список бесплатно. А вдруг они выведут партию на Олимп?

— Ну, спасибо, Саня, что просветил.

— Не за что! Хочешь, я тебе сделаю свеженькую, зарегистрированную партию. Под ключ! А? Или занесём, кому надо? — перешёл на “ты” Киселёв.

— Спасибо. Я подумаю.

Дубравин вернулся в город “Ч”. И стал думать.

Надумал только одно: “Ни одному слову наших политиков верить нельзя!”

12

Штаб собрался. Вопрос всего один — что делать? Действительно, Дубравин обошёл все возможные на данный момент партии и властные коридоры. Побывал на приёме у бывшего редактора “Молодёжки”, ныне трудящегося спикером. И везде облом. Потому что нет у него главного — “золотого запаса”. А без него будь ты хоть семи пядей во лбу или хоть лоб расшиби, а в список любой стоящей партии не попадёшь. Понял он и то, что политика — дело хитрое. И очень специфическое. Люди тут скользкие. Лживые. И двуличные.

Долго слушал Дубравин предложения трудящихся: пойти туда — не знаю, куда, встретиться с тем — не знаю, с кем. А потом выразил свою волю:

— Пойду на выборы независимым одномандатником!

Все приободрились. Наполнились лёгким энтузиазмом.

А почему бы и нет? Они молоды. Шишек не набили. Почему бы не попробовать?

Особенно рвался в бой Серега Чернозёмов:

— А что, небольшой опыт у нас есть. Люди есть. Газеты тоже. Да мы их шапками закидаем!

Но более продвинутая Марина Сорокаумова всё-таки предложила подстелить соломки:

— В наше время без поддержки верховной власти никуда идти нельзя. Отношения с Дмитрием Геннадьевичем у нас неплохие. Нас уважают. Надо идти к нему. Договариваться!

Что ж, все согласились с тем, что такой визит лишним не будет.

Сорокаумова пошла договариваться. А народ принялся работать над планом выборной кампании.

Знакомую дорогой явились они на приём. Ждать пришлось недолго. Генерал-губернатор встретил Дубравина ласково, как старого знакомого. И то дело. После той истории с отвоёванным зданием он с треском выгнал из администрации длинного Лёшу Хитроева. А Дубравин человек порядочный и благодарный.

— Здравствуйте, Александр Алексеевич!

— Здравствуйте, Дмитрий Геннадьевич!

— С чем пожаловали к нам?

— Да вот, решил я попробовать пойти на будущие выборы.

— Ну, что ж, дело хорошее!

Дальше всё пошло, как у Ильфа и Петрова в “Двенадцати стульях”: Дубравин сидел, “как отец русской демократии и особа, приближённая к императору”, а Сорокаумова, словно “великий комбинатор”, всё плела и плела словесные кружева.

— Дмитрий Геннадьевич! Александр Алексеевич — наш человек. Будет вам помогать в Москве. Там у него большие связи во всех средствах массовой информации. Так что наша губерния в высших кругах может быть очень даже хорошо представлена. Он может стать там крупным лоббистом...

И так она ловко всё поворачивала, дуя губернатору в уши, что Дубравин прямо-таки одним местом чувствовал, как повышается настроение хозяйина кабинета.

“Видно, ему приятно, что московский гость почтил. Пришёл, подтвердил свою лояльность, — думал Александр. — С другой стороны, для него хорошо, что я не примкнул к коммунистам. Ведь он как губернатор якобы “разорвал” этот самый “красный пояс”. Но выборы покажут, так ли это. А то может оказаться, что это бабка надвое сказала”.

— Я вас поддержу! — провозжая посетителей, обнадёжил их седой человек со спортивной выправкой и в хорошо сидящем сером костюме.

— Ну, теперь вперёд! — усаживаясь в машину, возбуждённо сказала Сорокаумова. — Можно не бояться, что административный ресурс кинут против нас. И не дадут работать.

“Да! — подумал Дубравин. — Слово — не воробей. Сам губернатор обещал...”

13

Из прокуратуры областного города “К”, что расположен в двухстах километрах от города “Ч”, пришло письмо. Суть его была проста и понятна. В письме сообщалось, что на него поступил донос из областной администрации. “Однако, рассмотрев заявление, прокуратура проверила публикации в прессе и не обнаружила в них никакого экстремизма”. Но на всякий случай она, то есть прокуратура, предупредила, что писать о проблемах русского народа следует взвешенно и осторожно. И лучше всего, “во избежание негативных последствий”, заменить слово “русский” на “россиянин”.

“Что же они, гады, уже и национальности нас решили лишить?! Чтоб в нашей же стране русскими и не пахло? — подумал Дубравин, дочитывая сей опус, сочинённый неким помощником прокурора. — Отправлю я это письмо в печать. Пусть народ ознакомится с мнением защитников его прав”.

Никто не знает, как слово наше отзовется. Вот и Дубравин не представлял, какой отклик вызовет его “Русский вопрос”. Он просто решил для себя так: делай, что должен, и будь, что будет.

Но, увидев отзывы, он понял, что статьи его попали в самую точку, в самый нерв, в душу, настроение этого особенного, ни на кого не похожего народа. Да и как не попасть, если он чувствовал, переживал то же, что и миллионы его соотечественников! Сам являлся неотделимой частичкой русского мира.

Так что кроме трусливых чинуш откликнулись и люди.

В один осенний прохладный денёк прибыл местный писатель.

Лицо его, грубо сработанное, было красно и нахмуренно. Давно нечёсанные чёрные волосы длинные и спутаны. От него несло табаком и водкой. И сам он был весь на нервах. Горяч и порывист.

Он крепко пожал руку Дубравина. Огненным взглядом окинул его кабинет. И начал нервно, порывисто говорить. Из речи его, сумбурной и путаной, вытекали следующие выводы. Что он, так же как и Дубравин, радеет за русский народ. И всё отделение Союза писателей тоже его поддерживает. Всё это звучало хорошо... Но по некоторым выражениям и тону Дубравин ощутил, что писатели ревнуют к тому, что он, чужак и пришелец, ступил на заповедную поляну!

Дубравин успокоил его, предложив работать совместно. И в паре двигаться вперёд, по непаханым просторам русской темы.

Обнадёженный писатель покинул кабинет, оставив Александру несколько своих книг.

Вечером после работы наш герой расположился с его книгой на диване. И обнаружил, что парень действительно чертовски талантлив. И такой человек, искренний, живой, горячий, да ещё владеющий словом, действительно будет полезен.

Ещё через несколько дней раздался звонок из далёкой северной области. В трубке послышался хорошо знакомый, но давно забытый голос Володьки Панцырева, представителя славной плеяды собственных корреспондентов “Молодёжной газеты”.

— Саня, здорово!

— Володька! Ты, что ли? Какими ветрами? Здорово! Чем занимаешься?

— Да тем, что только и умею делать в этой жизни. Делаю, как всегда, газету.

— И какую?

— Городскую!

— А я тебе зачем понадобился? — почему-то Дубравин догадался, что Панцырев просто так звонить не будет. — Колись!

— Да я тут обнаружил в одном месте твою заметку на тему “Почему мы такие недружные?” Ну, и понравилась она мне.

— Понравилась, так понравилась, — заметил польщённый Дубравин.

И не преминул похвастаться:

— У меня их много!

— Я хочу её поставить у себя! В газете! Разрешешь?

— Бога ради. Я буду только рад. Можешь и другие ставить. Бери, брат.

Пользуйся!

— А как с гонораром?

— Оставь себе!

Поговорили. Душевно так. Как-никак, им было что вспомнить.

И, видно, действительно панцыревское старание увенчалось успехом. Через некоторое время получил Дубравин письмо в аккуратно запечатанном конвертике со штемпелем. И письмо это было не от абы кого, а от самого Василия Белова. Того самого — из когорты великих русских писателей, представителя так называемой деревенской прозы. Открыл его Дубравин и не просто обрадовался — можно сказать, возликовал. Потому что Василий Иванович его искренне поддержал:

“Здравствуйте, Александр Алексеевич!

Пишет, быть может, известный Вам прозаик Белов В. И.

Не знаю, имею ли я право обращаться к Вам напрямую, без всяких посредников. Мне кажется, имею. Но кто знает. В любом случае сообщаю, что Ваш адрес я получил через моего друга Александра Цыганова у известного Вам В. Панцырева. Они же снабдили меня газетой с Вашей статьёй “Почему мы такие недружные?”

Я весьма был обрадован этой статьёй и буду рад познакомиться с Вами поближе.

Дело в том, что я готов подписаться под каждой строкой Вашего материала...”

Дубравин читал письмо, и волна радости постепенно поднималась в его душе: “Значит, прав я. Значит, веду правильную линию, если такой человек нашёл меня, не поленился. Написал ободряющее письмо”.

“...Александр Алексеевич, я, как бывший депутат, целиком на Вашей стороне и готов дать Вам любой совет, поскольку вы хотите прыгнуть в космическую бездну, которая называется политикой! Позвольте дать только один совет: не спешите, не раскрывайте свои карты до тех пор, пока не получите пропуск в Думу. Игра опасна, будьте бдительны. В этой игре жизнь подвергается опасности. Я знаю это по своему опыту. Да и сами Вы знаете, сколько так называемых народных избранников отправлены на тот свет.

В этой игре присутствует всё: обман, подкуп, угрозы, как говорит поэт, “кинжал и яд”.

Дубравин прочитал письмо до конца, особенно задумавшись над последней частью, в которой Василий Иванович спрашивал, чем бы он мог ему помочь.

“Эх, Василий Иванович, товарищ Белов, кабы я знал, что ждёт впереди, тогда бы и попросил помощи. А тут один туман. И никакого просвета. Но надо отписать ему, рассказать о своих делах. О русском вопросе”.

Дубравин отложил письмо прозаика в отдельную стопку с надписью: “В работу”. И принялся читать другие вестки.

Вечером в самом большом кабинете издательского дома собрался выборный штаб. Дубравин окинул взглядом своих соратников.

Начальник штаба — надёжный, как кремль, Серега Чернозёмов. Сидит, возвышается незыблемой скалой.

За ним — консультант штаба, специалист по взаимодействию с органами власти Юрий Зарубский. По образованию он психолог. Его взгляд из-под очков сосредоточен, а интеллигентская бородка аккуратно подстрижена. В руках папочка. Серая.

Рядом — упертый знаток наших зыбких и одновременно незыблемых законов юрист Уриварт. Он, несмотря ни на что, верит в то, во что абсолютно не верит сам Дубравин. Считает, что с помощью закона или суда можно чего-то добиться от власть имущих.

Строго по центру расположился главный бухгалтер — “финансовый генный” товарищ Петков — небольшой человек с морщинистым и простым лицом. В поношенном костюме, но совсем не бедный.

Напротив него восседает огромная улыбчивая женщина с настоящими русскими формами — мадам Булкина. Она занимается планированием пиар-акций, созданием сетевых графиков.

Почётное место на другом конце стола занимает начальник службы безопасности, крепкий молодой человек по имени Александр. Его псевдоним “Бес” — сокращение от фамилии.

В конце стола расположилась группа борзописцев.

В уголке, чтобы особо не светиться, пристроилась миловидная и слегка заполошная Марина Сорокаумова. Она, как все действующие депутаты, сидит тихо.

Вёл заседание Чернозёмов. Вопросов много. А времени, как всегда, мало.

— Первый вопрос, — сказал он. — Противники нашего кандидата. Сильные и слабые стороны. Докладчик Юрий Зарубский.

Консультант достал из папочки стопочку разноцветных листочков и разложил их на столе.

— Ну, что можно сказать о ваших противниках на этих выборах? Их пока шестеро. Наиболее сильный из них — Людмила Ивановна Бойкова. Она политик известный. Её роль — такой народный заступник, трибун. Два срока является депутатом городской Думы. Один из руководителей оппозиции нынешнему главе города. Выиграла суд у мэрии по возврату населению средств с коммунальных платежей, увеличенных в марте месяце. Вообще, она человек конфликтный. Сильные стороны: публичность, крепкий характер. Слабые: скандалистка, склочный человек.

Второй претендент — фермер-спецназовец. Некто Степан Бубликов. Такой связанный с властями фермер. В одной руке винтовка, в другой плуг... Он имеет хорошие связи в верхах. Легендарная личность.

— Пожалуйста, огласите весь список! — попросил Чернозёмов.

Кабинет оживился. Все засмеялись.

— Пожалуйста! — ответил крупный специалист. И зачитал список, стараясь коротко охарактеризовать людей. — Женщина-вамп, хозяйка большого магазина сантехники, претенциозно названного “Империя дома” или что-то в этом роде. Герой России. Ещё один спецназовец. Главный врач одной больницы. Преподаватель мединститута — судя по всему, технический кандидат.

Он взял паузу. Поднял ещё один листочек:

— Но есть и серьёзный человек. Коммунист старой закалки. Некто Сипунин. Этот из “бывших”. Они у нас ещё не вывелись до конца.

В разговор влетела Сорокаумова:

— Даже сами коммунисты долго сомневались, стоит ли его выдвигать. Он два срока отсидел. И ничего не делал.

— Я думаю, в ближайшее время мы получим ещё немало желающих влиться в ряды депутатов, — заметил Зарубский. — Список пока не закрыт. Готовятся “грушовцы”, “Союз мощных сил”. Может вылезти на сцену и кое-кто из бывшей администрации.

— Переходим ко второму вопросу повестки дня, — поторопил всех начальник штаба. — Газеты — это, конечно, прекрасно. Но сегодняшние вы-

боры без телевизора не проходят. Нужно, чтобы наш кандидат светился на экране.

— А как это сделать? — заметила начальник службы медиапланирования госпожа Булкина. — У нас ведь нет никаких специалистов в области телевидения. Ни операторов, ни режиссёров.

— Будем делать сами! — самонадеянно ответил Дубравин.

— У меня есть ещё одно интересное предложение, — вступил в диалог Бес. — Тут нашему кандидату надо бы, как и другим, стать покровителем и спонсором какого-либо спортивного общества и учредить боевой турнир, на котором, собственно говоря, и выступить.

Я знаю такую организацию. У нас тут образовалось общество традиционного каратэ “Фудокай”, что значит “прямой путь”. И оно очень даже неплохо себя проявляет. Хотелось бы, чтобы наш кандидат его поддержал.

— Рассмотрим этот вопрос! — смело заметил Чернозёмов. И добавил:

— Хотелось бы перейти к следующей теме нашего совещания. Это анализ исследований и опросов, проведённых независимой фирмой относительно предпочтений и известности нашего кандидата.

— Подожди! — заспорил юрист. — Есть тут ещё один очень острый вопрос, и по нему надо тоже посоветоваться. Он касается доверенных лиц нашего кандидата...

— А у меня вот отчёт по цветовому тесту. Мы провели опрос среди населения. И сделали анализ того, с какими цветами ассоциируются разные кандидаты в депутаты! — вклинилась Булкина.

— Ну, и с какими цветами ассоциируюсь я? — поинтересовался Дубравин.

— Вы — с синим! Это цвет надёжности, — заметила она. — А вот Бойкова — с красным.

Тут в кабинете поднялся гвалт.

— У меня важный вопрос! — завопил Петков. — Вот письмо от администрации Семипольского района.

— В чём проблема? — спросил Чернозёмов.

— Они просят.

— Что просят?

— Зачитываю: “В ночь с шестого на седьмое ноября в районном Доме культуры произошла крупная кража. Утрачена часть звуковоспроизводящей аппаратуры. И весь банк музыкальных записей...”

— Короче, Склифосовский!

— Просят десять тысяч материальной помощи.

— Так бы сразу и сказал, — заметил Дубравин. — Дадим!

— Так, что ещё?

— Нам надо утвердить список доверенных лиц кандидата.

— И смету надо утвердить! — заметил главный финансист штаба Петков. — Я не могу просто выдавать деньги на разные мероприятия. Вы же потом с меня спросите. Почему, мол, давал. Смета — это очень важное дело.

— Стойте! Я зачитаю вам письмо от Союза писателей России, они тоже поддерживают Александра Алексеевича. Вот оно, — влезла Сорокаумова.

...Решая все эти вопросы, штабисты просидели до глубокой ночи.

На следующий день Чернозёмов пришел к Дубравину с хитрой улыбкой на лице.

— Вот, Александр Алексеевич, я привёл к вам известного знатока русского языка профессора Ершова.

Дубравин, естественно, удивился. Косноязычием вроде не страдает. А тут ему предлагают научиться говорить. Что ж, пусть будет так.

И старый профессор не замедлил явиться. Галстучек селёдкой. Седой ёжик волос. Палочка. Хромает. Но человек юркий, пронырливый и свою работу, судя по всему, знающий:

— Нам надо научиться трём вещам, — сказал он, поставив костылик в угол и присев на стул. — Первое: говорить короткие речи, занимающие не более одной минуты.

Второе: доступно и ясно излагать свою программу. Причём излагать её надо ровно за двадцать минут. На большее время вы не рассчитывайте.

И третье важное дело. У вас будут встречи с народом, на которых придётся отвечать на вопросы. Причём вопросы могут быть самые разные. В том числе и провокационные. Отвечать надо будет быстро. Поэтому, я думаю, мы проведём с вами несколько занятий по разной тематике...

Дубравин был весьма заинтересован и заинтригован. Он вспомнил своих университетских преподавателей русского языка. Оба были личностями. Фамилия одного была Нелисов, другого — Барчунов.

“Спасибо вам”, — подумал он об этих абсолютно разных людях, попивших, честно говоря, немало его кровушки. Теперь их уроки пригодились. В таком вот неожиданном деле.

Глядя на задумавшегося Дубравина, профессор Ершов заметил:

— Вы не бойтесь, я учил говорить даже такого тупого парня, как Андрей Серов. Правда, повозиться с ним пришлось немало. Ох, как немало! — и старый профессор с редкой бородёнкой тяжело вздохнул.

— Кроме того, я оставлю вам свою книгу. Вы её на досуге почитайте, — он протянул Дубравину книгу под названием “Русское общественное поведение”.

Александр пролистал её. Она была посвящена общению русских людей.

— Ну, давайте попробуем! — начал Ершов. — Формулировать надо в короткой — именно в короткой, как выстрел, — форме некоторые основные мысли из вашей программы. Кстати говоря, у многих так и остался синдром красных и белых. И многие продолжают делить на них сограждан. Вот вы за кого? За красных или за белых? Отвечайте!

— Я не за белых и не за красных. Я за русских! — отчеканил Дубравин.

— Отлично! — удивлённо поднял седые брови профессор. — А кто такие русские?

— Русский — тот, кто считает себя русским! Воспитан в нашей культуре. Работает для России. И, желательно, православный.

— Ну, может быть. Хотя бывает, что русских начинают делить с другими народами по крови, — поморщился профессор.

— У нас столько всего намешано! — вступил в полемику Александр. — Сам чёрт ногу сломает, если начать разбираться. Поэтому я русских отличаю не по крови, а по духу...

— Это, наверное, правильно! — согласился Ершов. — Так, теперь вам надо чётко представить, чем вы лучше других кандидатов.

— Ну, я грамотнее, образованнее...

— Нет, так не пойдёт. Вы должны бить не в бровь, а в глаз. Вот, например, вас спрашивают о них. А вы должны им резко и чётко дать характеристику. И такую, которая бы сразу прилипла. Давайте попробуем. Как, например, можно охарактеризовать Сушкова?

— Ну, не очень порядочный предприниматель. Его инвестиционная компания многим не платит. Деньги собрала, а отдачи нет...

— Нет, нет, нет! — энергично запротестовал преподаватель. — Должно и не забывается. Надо так: “Сушков — это Чувайс и его люди!” Такая ассоциация его сразу уьёт.

— А та женщина с её магазином?

— Торговка унитазами!

— Ну, вы даёте! — восхитился Александр. — А коммунист?

— Просидел в Думе пятнадцать лет. Ничего для области не сделал, — поставил точку над “i” профессор. И добавил:

— Теперь попробуйте вы. Как бы вы охарактеризовали кандидата от партии власти? Бывшего главу правительства.

— Не знаю! — развёл руками Дубравин.

— Ладно, вы его действительно не знаете. Но я вам бесплатно дарю его характеристику. При нём область перестала платить детские пособия. Долг — пятьсот шестьдесят миллионов рублей.

— А вот что делать с героем России, который вместе со мною идёт?

— Контуженный человек. Одно дело — стрелять. И совсем другое — законы формулировать! — отчеканил профессор. И добавил:

— Ну, ладно, на сегодня хватит. Встретимся завтра. И попробуем тезисно изложить вашу программу. Вам надо себя позиционировать, как личность независимую, самодостаточную, самостоятельную. Что-то вроде человека, который сам себя создал. Сильного, надёжного, уверенного в правоте своего дела.

На следующий день профессор предъявил ему огромный список возможных вопросов к кандидату. Судя по всему, он их готовил не один, а подключил к работе целую команду. Когда Дубравин на них глянул, у него прямо-таки засосало под ложечкой. Тут было всё, что изощрённый ум способен выдумать, дабы посадить в лужу человека:

“1. Как вы относитесь к Ельцину? 2. Считаете ли вы Россию демократическим государством? 3. Последнее время все бизнесмены стремятся стать депутатами. На самом деле они просто хотят проворачивать через органы власти свои бизнес-планы. Вы тоже собираетесь в Думу, чтобы добиться привилегий для своего бизнеса? 4. За кого вы голосовали на выборах президента? 5. Почему у нас зимой в домах всегда холодно? Часто нет света, воды. А платим за всё исправно. Как решить проблему ЖКХ? 6. Считаете ли вы Россию цивилизованным государством? 7. Почему у нас так много аварий самолётов, вертолётов, подводных лодок? 8. Вы считаете, что богатые россияне должны вкладывать деньги в российскую промышленность. Почему же вы тогда ездите на иномарке, а не на отечественном автомобиле? 9. Вы были в больнице и делали богатые подарки врачам. Разве этим вы не способствуете коррупции? 10. Почему летом в городе всегда нет горячей воды? В других странах мира такого нет. 11. Как вы относитесь к Чувайсу? 12. Надо ли сегодня пересматривать результаты приватизации? 13. Можно ли искоренить в России пьянство? Как это сделать? 14. Сколько вы зарабатываете? 15. Могут ли все в стране жить богато?”

И так до бесконечности.

Апофеозом деятельности Ершова стало неожиданное предложение:

— Вам надо сменить внешность. На более интеллигентную, что ли.

Действительно, Дубравин — русский богатырь, по мнению Ершова, и выглядит несколько грубовато. Он продолжил:

— Я думаю, вам обязательно надо носить на выступлениях перед народом очки. И отпустить бородку.

И он тут же с ловкостью фокусника продемонстрировал портреты Александра с разными подрисованными типами бород.

Дубравин глянул на себя. И не узнал. На него смотрело широкое лицо этакого среднерусского интеллигента в изгнании.

“Господи! — подумал он. — Так ради выборов они превратят меня чёрт знает во что! А ведь я — это я. Зачем себя уродовать? Рядиться клоуном. И только для того, чтобы понравиться электорату?!”

Поэтому он сходу отверг это предложение профессора. И решил обойтись без бороды. А вот идею с очками поприветствовал, посчитав, что они придадут его грубому мужскому, начавшему уже округляться лицу некую долю интеллигентности и шарма.

...Очки подбирали долго. Его консультанты сразу отвергли оправы хороших зарубежных марок с тоненькой позолоченной дужкой. Посчитали, что наше бедноватое население они будут только раздражать. Выбрали в простой роговой коричневой оправе. Такие, как носят рядовые учителя, бухгалтеры, менеджеры...

На сцену маленького захудалого сельского клуба поднялся глава поселения Николай Болгов. Он был одет в тёплую куртку и войлочные ботинки. Только лысина голая. В помещении, где стоят рядами несколько десятков старых, потёртых рыжих кресел, давно не топят. И народ, собравшийся на

встречу с “депутатом”, тоже хорошо утешён. Сидят бабушки, дедушки, молодухи и прочие селяне в пальто и полушубках, валенках и сапогах.

Поздняя осень. Урожай убранный. Заготовки сделаны. Так почему же не пойти в клуб, не послушать заезжих агитаторов? Тем более что потом обещали концерт.

— Дорогие товарищи! — начал свою речь хороший мужик Николай Болгов. — Скоро выборы в Государственную думу. И мы должны выбрать туда самых достойных. Тех, кто сможет представлять наши интересы. Сегодня к нам приехал главный редактор нашего самого популярного издания — газеты “Наше” — товарищ Дубравин!

При этих словах Дубравин приподнялся из своего кресла в первом ряду и показался народу. Попутно оглядел зал. Простые русские лица. Сельские труженики. Такие же, как его родители, брат, оставшиеся в Жемчужном одноклассники. Как и он сам.

— Родился он в Казахстане, закончил университет в Алма-Ате. Потом работал в газетах, журналах... Теперь переехал жить в наш регион...

Дубравин как-то отстранённо, как будто говорили не о нём, слушал свою биографию в пересказе главы и постепенно “разгорался”, набирал обороты. Как ни странно, ему нравилось выступать перед людьми. И он чувствовал то самое волнение перед выходом на сцену, которое ощущают артисты. То, что называется теперь современным словом “драйв”. А раньше было вдохновением, полётом, порывом...

Наконец, объявили и его.

Александр энергично — “соколом” — взлетел на сцену.

И начал говорить. Речь его давно готова. Опробована. И отрепетирована. Он только по ходу дела адаптировал её к аудитории. Одновременно он искал взглядом в зале подходящего человека. Человека, который активно реагировал на его слова. Нашёл. Это пожилая круглолицая женщина в меховой шапке — по виду учительница. Теперь его задача — убедить её. Заставить поверить. Поверит один — поверят все.

— Что нужно молодой семье для того, чтобы в соответствии с Божественной волей “плодиться и размножаться”? — спросил он зал. Посмотрел на реакцию. И бросил:

— Жильё! Крыша над головой! В первую очередь, свой угол. Но кто сегодня может вам его гарантировать? Никто! Его можно только купить. Но как купить? Как накопить при нынешних ценах и зарплатах? Не знаете? А я знаю! Есть такое слово — “ипотека”. Это когда можно взять кредит в банке и купить квартиру сегодня, а деньги отдавать десять-двадцать лет. Потому! На Западе так делают много лет.

И, судя по тому, как заинтересованно люди начали смотреть на него, а потом и одобрительно кивать в такт его словам, Дубравин понял, что попал в точку. Туда, где лежат их чаяния и нужды.

Он продолжал всё смелее и увереннее говорить о наболевшем. И его понимали. Потому, что все пять пунктов его программы направлены на одно. На выживание этого близкого ему, родного по крови и духу простого народа.

Проводили его бурными аплодисментами.

Он вернулся на своё место. А на сцене уже появился приглашённый ансамбль казачьей песни. Женщины в цветастых кофтах, длинных юбках, лентах, монистах. Мужчины — в фуражках, зелёных гимнастёрках, шароварах с алыми лампасами, в сапогах. С баянами, бубнами, балалайками в руках. Всего шесть человек. А зажгли на славу. И, судя по тому, как оживился, задвигался народ в зале, тоже заделали за живое.

*Встретила хозяйка молодая,
Как встречает родного жена.
В горницу любезно приглашала,
Ласково смотрела на меня.
В горницу любезно приглашала,
Наливала терпкого вина...*

*...Так и не доехал я до дому,
Затерялся где-то вдалеке.
Что же делать парню молодому,
Коль прищлась девчонка по душе?
Что же делать парню молодому,
Коль прищлась девчонка по душе?*

Пора уезжать. Он своё дело сделал. Но отъезд — это тоже ритуал.

На выходе его обычно встречали несколько человек. С “челобитными” и жалобами. Так как в России достучаться до властей в обычное время почти невозможно, люди пытаются прорваться именно в дни выборной кампании. Рассуждают так: “Теперь-то мы им нужны. Голоса наши. Пусть помогают”.

Вот и сейчас люди подходили, благодарили и, конечно, изливали свои проблемы, беды и несчастья. Он ручкался, согласно кивал, выслушивал, кого-то сразу отправлял к помощникам, что крутились здесь же.

Но вера наших людей в заезжего барина так велика и несокрушима, что иногда попадались и клинические случаи.

Вот какая-то тётка в вязаной кофте и с высоченной причёской прорвалась к нему.

— Я вот о чём вас хотела попросить, — проговорив льстивое предисловие о том, какой он хороший, с ходу взяла быка за рога просительница. — Моя дочка, Светочка, взяла в банке кредит на сорок тысяч рублей. Дитя неразумное. А теперь надо его отдавать. Может, вы нам поможете?

— В чём? — недоумённо спросил Дубравин. — Я не банкир, повлиять на ситуацию не могу...

— Ну, отдать кредит!

— Как? — продолжал удивляться он.

Она посмотрела на него, как на слегка ненормального.

— Дайте нам денег. А мы его заплатим!

Дубравин опешил. Главное правило, которому его обучали специалисты-консультанты — никогда не говорить “нет” и всегда всё всем обещать. Но здесь он его нарушил.

— Знаете, я не имею такой возможности! — заявил он.

Уже через минуту его старая “Волга” снова отправилась в плавание по просёлочным дорогам. Поскрипывая на ходу металлическими косточками, этот рыдван, специально реанимированный умельцами для выборов, успешно преодолевал ямы и гигантские лужи.

По дороге к следующей точке Дубравин изучал график встреч в этом районе.

Сегодня у него их пять.

“Так! — начал он. — Детский сад № 162, руководитель — Валентина Александровна. Примечание в скобках: “Знает вас по статьям, лояльна”. Средняя школа в Урловке. В скобках: “Село в 1078 дворов”. Медицинский пункт...”

Едва они повернули в сторону крупного населённого пункта, в котором, согласно графику, значилось 623 двора, как у него в кармане раздалась трель сотового. Из него послышался испуганный голос Марины Сорокаумовой:

— Ксан Ксеич! Тут такое дело! Ну, прямо нукудышное дело. Всё пропало.

— Какое дело? Ты меня, Марина, не пугай! У меня сейчас тяжёлое время. Встречи...

— Какой тут пугать! Губернатор Кулик вчера на встрече со школой милиции объявил, что “независимым кандидатом” от партии власти теперь пойдёт господин Сосук.

— Как Сосук? Он же обещал поддержку нам!

— Да, вот так!

— Он же офицер! И своё слово не держит! И этот Сосук, он же из бывших. Не из его команды, а из врагов...

Дубравин в своё время не раз общался с советскими функционерами. Те если говорили и обещали, то выполняли. “Видно, измелывал совсем народ!”

— Да, не держит. Но туда огромные деньги вложены! За спиной Сосука стоит наш самый главный олигарх. Миллиардер.

— Тот, с которым мы тогда встретались? Обедали?

— Ну, да.

— Так он, значит, всё-таки решил двигать своего человека?

— Да, видно так. Теперь у нас будет море проблем. Против нас бросят весь административный ресурс.

Дубравин вспомнил профессора Ершова, который говорил ему, чем прославился этот бывший. Вспомнил и самого соперника. Маленького кругленького человечка с розовым пухлым личиком. Подумал: “Да, этот всем удобен. И на всё готов. “Чего изволите-сь?” Трудно нам придётся!”

Он и не представлял, насколько трудно. Уже на следующий день в селе, куда Дубравин приехал со своею командою, его ждал большой и неприятный облом. Местный дом культуры встретил его ржавым замком на двери. Сам глава этого поселения, ещё вчера обещавший всемерную поддержку, спрятался с глаз долой. Телефон его не отвечал.

Они поехали дальше. Ведь несмотря на поступившие свыше указания не допускать его до общения с народом, закрыть школы, детские сады, поликлиники, предприятия, нашлись люди, посмеявшие его поддержать.

Тот же председатель Николай Болгов, когда его спрашивали, почему он не отступился от этого чужака, приезжего, отвечал: “Этот парень — не то, что наши вахлаки, которые два слова связать не могут. Он знает, что говорит. И говорит по делу!”

Но, как известно, сила солому ломит.

Они не сдавались. Теперь приходилось выходить прямо на улицу. Агитировать во дворах.

Вообще, выборная кампания, так же как и войсковая операция, имеет свои правила. На войне позиции противника сначала утюжит авиация, потом артиллерия. И лишь после этого на них идут танки и пехота. На выборах первым должно отработать телевидение, затем газеты и наглядная агитация. И только потом выдвигаются вперёд агитаторы, идёт на встречи сам кандидат. Те же, кто не имеет поддержки властей, не могут рассчитывать на помощь со стороны телевидения и газет, принадлежащих администрации.

И сейчас, образно говоря, они идут в атаку сразу. С голыми руками. Вот и Дубравину теперь надо “бросаться на амбразуру”.

Дубравин и его команда подъехали во двор. Вышли из машины. Кандидат остановил какую-то женщину с коляской. И произнёс:

— Я, Александр Дубравин, кандидат в депутаты. Хочу рассказать вам о своей программе.

Кто-то по-быстрому ушёл. Кто-то отмахнулся от него, как от назойливой мухи.

Но главное — не бояться! Говорить. Сначала подошёл один. Потом другой. И образовалась маленькая толпа. Как и всякая толпа, она подвержена сиюминутным настроениям. И обычно агрессивна.

Через пару минут её недоверие сменилось всевозрастающим интересом, и она начала слушать этого чудака, рассказывающего такие удивительные и загадочные вещи:

— А теперь я расскажу вам, как реформу ЖКХ проводят умные люди. В частности, как над ними работали в Казахстане, при премьере Кажегельдине. Там были такие же проблемы, что и у нас. Они начали с того, что решили — реформы должны быть выгодны людям. И установили счётчики на воду, на отопление. И если по нормативам выходило, что надо платить за пятьдесят кубов воды, то по счётчику оказывалось в три раза меньше...

Сегодня всё, кажется, идёт нормально. Люди слушают.

Пока в толпу не влезла тощая, с явными признаками потасканности и пьянства на лице истеричка. Дубравин знает, что есть и такие типажи, которым неважно, что ты говоришь и кто ты. Им нужно выплеснуть агрессию. Покричать. Самоутвердиться. Подтверждая его опасения, косматая фигура вылетела вперёд и начала орать:

— Вот он, гад, депутат-кровопийца! Пришёл, когда ему понадобились наши голоса! Чтобы, значит, голосовали за него. А у нас уже много лет течёт крыша! Куда я только не обращалась... И к нему тоже...

Главное сейчас — не дать перебить себя. И он, не останавливаясь ни на секунду, продолжал гнуть своё:

— Реформы проводить надо. Но проводить с умом. То же касается и крыш. Они текут потому, что когда-то, ещё во времена коммунистов и Никиты Хрущёва, в целях экономии денежных средств вместо нормальных покатых крыш стали делать плоские. И заклеивать их битумом. Вот теперь половина вашего посёлка и страдает от этого. Надо не только чинить крыши, но и принять закон о том, чтобы строить нормальные дома...

Он никак не мог закончить свою речь, рассказать до конца программу, потому что безумная тётка с перекошенным ртом продолжала орать что-то своё, не давая народу сосредоточиться на его словах.

В этот момент сбоку из толпы вышел такой представительный, крепенький, импозантный старичок, судя по выправке — военный пенсионер.

Дубравин подумал: “Ну все, кранты. Вдвоём они уже точно сорвут мне выступление, не дадут договорить. Придётся уходить несолоно хлебавши”.

Но старичок-боровичок нахмурил брови, а потом командирским голосом цыкнул на фурию:

— А ну молчать! Что вы вызверились на парня?! Он ещё даже никакой не депутат, а только кандидат. И за дела нынешней власти не отвечает... К тому же дело говорит. Его надо послушать! А вы тут устроили базар!

Женщина осеклась. И тихо-тихо, что-то бормоча себе под нос, растворилась в толпе.

Дубравин внимательно посмотрел на впереди стоящих и, наконец, увидел знакомые лица молодых людей. Сегодня их было трое — два парня и девушка. Они якобы внимательно слушали его речь. Но он знал, что это подоспела его охрана. Ребята из секции каратэ. Так что если снова появятся желающие сорвать его встречу, то они вмешаются. Успокоят.

А по окончании встречи, когда народ начнёт напирать, выкладывать свои проблемы и жалобы, помогут ему растащить толпу. Примут на себя, замкнут весь негатив.

Он знал, что позади него есть резерв на непредвиденный случай. Личный телохранитель.

В общем, если работать командой, то можно справиться и с этой митинговой, уличной стихией.

И так несколько раз в день. К вечеру, когда психологическая нагрузка на грани нервного срыва спадает и “гастроли” заканчиваются, он, чтобы сбить напряжение, выпивал бутылку красного вина и заедал стресс целой варёной курицей.

Чем дальше продвигалась кампания, тем яснее становилось, что административная машина не даст им победить. Но он не останавливался. Понимал, что биться всегда надо до конца. Каким бы он не был.

В какой-то момент власть не выдержала. Сорвалась. Чтобы запугать его агитаторов, менты схватили двоих. Вывезли их ночью в зимний лес. Отобрали шапки, рукавицы, тёплые вещи. И оставили там. На морозе.

В ответ Дубравин написал и опубликовал в газетах заметку под сакрентальным названием: “Звериный оскал власти!”

15

Зима в России всегда приходит неожиданной. Вот и в этом году уже в начале декабря “почему-то” выпал снег. А к Рождеству замело и поля, и леса, и деревню, которую Александр Дубравин выбрал на жительство.

Окончательно поселиться в ней ему пока не удалось. Дела в городе не позволяли. Но приехать на выходные он сюда уже мог.

Процесс укоренения он начал со строительства бани. Точнее, гостевого двухэтажного домика, в который органично вписалась и русская баня с бассейном.

Получилось хорошо. Топится баня исключительно дровами. Изнутри обшита хорошим липовым лесом. И от этого пар в ней лёгкий, а климат — мягкий.

Отдыхает в такой бане человек и душой, и телом.

Вот и Дубравин, попарившись вчера с дубовым веничком, сегодня отправился на деревенский праздник, который сам же и предложил устроить.

Народ решили собрать в колхозной конторе. Колхоза, правда, давно уже не было. А вот здание правления осталось. К нему-то по заснеженной улице и подтягивался здешний немногочисленный люд. Шли бабульки и дедульки, а также женщины среднего возраста, одетые в тяжёлые ватные пальто и шубы, замотанные в шали, обутые в валенки и бурки.

Одежда, от которой давно ушла городская мода, но никогда не откажется русская деревня.

Все они собирались в жарко натопленном по такому случаю одноэтажном здании. Снимали с себя ватные и меховые доспехи. Переговаривались, присаживались в уголках.

В большой комнате, где, судя по всему, когда-то заседало правление колхоза, накрыли вдоль стены длинный стол. За ним могло уместиться десятка три человек. А на столе было всё то, что заготовлено на длинную русскую зиму. Картоха толчёная, огурчики солёные, помидоры, квашеная капуста, мочёные яблоки. Копчёное и солёное бело-розовое сало... Да мало ли что ещё хранится в закромах родины! Не в каких-то мифических, выдуманных штатными пропагандистами закромах, а в настоящих, деревенских.

Заправляла хозяйством Сорокаумова. Она хоть и депутат, а селянам любя за готовность посидеть и выпить с народом.

Местные для этого действия доставили припасы. А городские — “огненную воду”.

Ящик стоял в уголке, дожидался своего часа.

Сергея Чернозёмов тоже расстарался. Пригласил на торжество не абы кого, а первого парня на деревне — гармониста.

Самая бойкая здесь — это староста Валентина Михайловна, для своих — баба Валя. Она была уже готова подать сигнал к началу. Тем более что прибывающие живо интересовались:

— Баб Валь! А что мы здесь сегодня собрались? По какому такому случаю в столь суровую зимнюю пору мы выбрались из тёплых домов?

Дубравин понимал, что люди толком и не знали о Рождестве. Среди поселян было немало воспитанных советской властью закоренелых безбожников. Так что следовало чрезвычайно аккуратно произносить тосты, чтобы не показаться бывшим советским, а ныне российским гражданам странным и диковатым. Поэтому он поднял гранёную старинную рюмку с водкой перед собой и произнёс приличествующую случаю, но не совсем канонически выдержанную речь.

— Господа-товарищи! Две тысячи лет тому назад в малом городе Назарете родился такой парень по имени Иисус. Он вырос, возмужал. И когда-то произнёс самые главные в мире слова: “Возлюбите ближних своих, как самих себя!” Так началась новая эра в истории этого мира. С тех самых пор христианский мир празднует день рождения того парня, Иисуса Христа. Который не только на словах, но и на деле пострадал за всех нас. Отдал свою жизнь. Так давайте же сегодня вспомним его! И дружно выпьем за праздник Рождества Христова!

Народ дружно сдвинул стаканы.

И деревенская гулянка пошла, покатила своей дорожкой.

Гармонист, раскрасневшийся от водки и сала с картохой, растянул меха. И, как заведено из века в век, народ дружно грянул:

*Ой, мороз, мороз,
Не морозь меня,
Не морозь меня, моего коня,
Моего коня, белогривого,
У меня жена, ох, ревнивая.
У меня жена, ох, красавица.
Ждёт меня домой, ждёт, печалится.*

Дубравин пел со всеми. И если раньше, в столице, ему, воспитанному на “Битлз” и “Скорпионз”, казались чуждыми родные напевы, то сейчас они были в самый раз. В этих краях, где воеет пурга и метут метели, такая песня звучала не только естественно и красиво. Она была нужна и очень даже правильна. Потому что отражала чаяния, суть и душу народа, затерянного на гигантском вымерзшем пространстве.

Затем гармонист грянул плясовую. И пошла гулять губерния!

Дубравин вышел на улицу. Унять хмель. Проветриться.

За окном шумели люди. А здесь не видно не зги. Тишина. И ведь лет сто тому назад было Луговое цветущим краем. В летописи оно впервые упомянуто вообще четыреста лет назад. Тогда на берега прекрасной, чистой реки пришли сюда в дикое поле русские переселенцы. Отстроили богатое поселение с большой церковью, избами, лабазами, промыслами. А вот теперь от него осталась умирающая, как и тысячи других, деревенька. Грустно.

Мороз-воевода шарил ледяными руками, забирался под свитер, хватал за коленки. Небо мерцало мириадами звёзд. “Неужели ничего нельзя сделать? Неужели вот так обречены влечить жалкое существование наши деревни и села?”

Дубравин давно понял для себя — в жизни нет ничего более практичного, чем хорошая философия. И вот сегодня, раз выпал такой денёк, Александр задумался: “И что ж у нас в России жизнь такая неустроенная? Всё-то у нас сикось-накось. Или с помощью авось и небось. Отчего? Наверное, оттого, что у людей нет ясности в уме, в душе. Нет покоя! А откуда ему взяться, коли всё вокруг кипит, пенится, корёжится и ломается. Она, душа, по-настоящему может успокоиться только тогда, когда приходит в неё вера. Только с нею ничего не страшно. Ибо есть Бог. И он обязательно управит, утрясёт всё, как надо”.

Взгляд Дубравина привычно наткнулся на силуэт стоящей посередине села, на пригорке, разорённой церкви. И сердце, как всегда, царапнул вид покосившегося креста на колокольне, заросшей кустарником крыши.

“Так не бывать же этому! — немного выпренно под действием алкоголя подумал он. — Жизнь здешняя угасает по одной простой причине. Народ утратил веру, перестал жить по заповедям Христовым. А чтобы вернуть её людям, надо восстановить хотя бы храм. Не причитать, не хныкать, а взяться за восстановление церкви”.

И так легко ему стало после этого решения, что он даже рассмеялся во всё горло. И раскатистый его смех долго ещё звучал во мраке и темноте зимней ночи.

Дубравин вернулся обратно в здание. Там уже шёл пир горой. И приободрившийся народ гремел, как в старые добрые советские времена, песни о первой любви.

Он аккуратно подсел к старостихе бабе Вале. Налил ей и себе по рюмочке. Они чокнулись. Выпили. И Дубравин, кашлянув, завёл такую речь:

— Валентина Михайловна, а я вот что надумал. Будем церковь восстанавливать!

Та глянула на него снизу вверх удивлёнными синими глазами, поставила на стол натруженными пальцами тяжёленький стаканчик и заметила:

— Наверное, лучше было бы газ провести.

Но Дубравин твёрдо сказал, как отрезал:

— Будет церковь — будет и газ!

А сам подумал: “Не зря же наши путешественники при освоении нового места первым делом ставили на холме церковь. От неё всё и начиналось”.

Через пару дней о своей задумке он решил поведать соратникам. Как ни странно, Чернозёмов задал ему сакраментальный, идущий из глубины народной души вопрос:

— А почему мы должны восстанавливать? Мы же её не разрушали!

На что Дубравин, может быть, не совсем понятно для окружающих, но вполне убедительно для себя ответил:

— Так уж получается. Не мы разрушали. А восстанавливать порушенное придётся нам. Как говорится, отцы и деды ели кислую ягоду, а у сыновей на зубах оскомина. Видно, доля наша такая.

На том и остановились. Взяли в деревне ключи. И поехали осматривать доставшееся хозяйство.

Ржавые ворота храма, оказавшиеся металлическими, они отворили с трудом. Открывшееся зрелище, с одной стороны, расстроило их, а с другой — обнадёжило.

Всё просторное помещение на полметра было завалено помётом облюбовавших храм местных голубей.

В алтаре стояла насквозь проржавевшая веялка с транспортёром. Судя по всему, в храме когда-то был зерносклад. Он то и стал для “птицы мира” столом, домом и...

Исследователи переобулись в резиновые сапоги и принялись за дело.

— По царскому указу, кажется, Николая I, в каждом селении, где проживало более тысячи человек, строили вот такой типовой храм, — заметил Чернозёмов.

— Значит, в Луговом проживало столько народа? — удивился Дубравин. — Да, постарались большевики.

Они открыли внутренние дверцы и прошли в притвор — небольшую комнатку, в которой, судя по всему, была конторка учётчика. Там на полке валялись пропитавшиеся пылью какие-то бумаги. Чернозёмов поднял их. Сдул пыль и открыл бухгалтерский журнал с записями.

— Знаешь, как назывался колхоз, который здесь был? — спросил он.

— Как?

— “Весёлая жизнь!”

И они захохотали, как сумасшедшие.

— Смотри, амбарная книга!

А в книге были записи о том, сколько колхозники сдали натурального налога.

Чернозёмов читал:

— “Щербаков — сто штук яиц, два ведра сметаны, десять курей... Петров — пятьдесят яиц...”

— Ну, и так далее. По списку.

И как будто пахнуло на них из этой ветхой амбарной книги ещё совсем недавней жизнью. Жизнью, которую уже не вернуть, но и не забыть.

Призадумались. Видно, не очень весело тут было, раз разбежался народ по городам и весям.

По обветшавшей скрипучей лестнице Дубравин поднялся на колокольню. И захохотал от ощущения простора, от вольного воздуха.

— Боже милостивый! Хорошо-то как!

Прямо перед ним быстро бежала незамерзающая прозрачная река, окаймлённая кустами и деревьями. За ней широко раскинулся заповедник, в котором озёра чередовались с лесками.

А дальше, насколько хватало глаз, раскинулись поля и степь.

“Россия — родина слонов!” — подумал он, вспомнив, что где-то за горизонтом, в долине Дона расположен археологический заповедник. И в нём собраны кости мамонтов. Здесь когда-то бродили целые стада этих животных. Потом пришли люди. Они любили, страдали, охотились, строили. И поколение за поколением уходило в эту чёрную, жирную землю, удобряя её своим прахом.

Работы начали с самого простого. Вырубили кустарники, очистили церковь от помёта. Разобрали и вывезли на металлолом старый ржавый механизм. Заделали дыру. Поставили окна и заказали огромные двери.

Не сказать, что всё прямо-таки запело и закипело. Но дело потихоньку-полегоньку и, как любят говорить священники, “с Божьей помощью” пошло.

Денег было мало. Но Дубравин всё равно изыскивал средства для ремонта. Деревенские сначала косились. И проходили мимо. Но со временем подтянулись человек десять, которые стали помогать. И Дубравин для себя по-

нял одну простую истину: “Народ — он как ребёнок. Приучен за века смотреть в рот барину, начальству, парторгу. И действовать в соответствии с указивками. Поэтому ему важно показать пример. Какой подашь — такой жизнь и будет!

Конечно, никакой особой религиозности и рвения деревня Луговое не проявит. Вера, церковность — они воспитываются с детских лет. А здесь десятилетиями религиозная традиция старательно уничтожалась. Стало быть, из ниоткуда ничего и не появится. Будет только имитация веры. Подход утилитарный и потребительский. Но для начала и этого достаточно”.

16

Случилось это странно и неожиданно. Он как раз приехал к себе, чтобы “залечь в берлогу”. Поставил своего “мустанга” в стойло, то бишь в гараж. И, размахивая ключами, направился через лужайку к дому. В эту минуту сотовый телефон разразился бравою мелодией: “Гром победы, раздавайся! Веселися, храбрый Росс!”

— Алло, Саша, это ты? — раздался в трубке чей-то женский голос. — Здравствуй!

— Здравствуй, — машинально ответил он, прикидывая, кто это может звонить.

— Ты меня не узнаешь? — спросили через секунду.

— Да, что-то как-то не припоминаю! — задумчиво ответил он, готовясь аккуратно закончить этот диалог с шарадами и загадками.

— Это я, Крылова Людмила!

“Какая такая Людмила?” — машинально подумал он, перебирая в памяти знакомых женщин. И вдруг вспомнил:

— Людка! Ты, что ли? Какими ветрами? Какими судьбами?

С одной стороны, он чувствовал радость. А с другой — тревогу: “Чего это она позвонила?” Привык уже к тому, что находят тогда, когда хотят чего-нибудь получить. Других поводов обычно не бывает.

Но любопытство всё-таки перевесило. Всё-таки его первая женщина, можно сказать, несбывшаяся любовь решила прервать обет молчания. После стольких лет. Интересно.

— Давай встретимся! — взяла она инициативу в свои руки. — Нам надо поговорить. Хочу тебя увидеть.

Ах, ностальгия! Совместные воспоминания...

Дубравин давно усвоил, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Поимел он уже этот горький опыт. Невозможно вернуться к тем же самым отношениям, если вы когда-то расстались. Всё меняется. Вы, обстоятельство жизни. Но Людка! Это было так давно! Первая девушка, самая красивая в их классе. Потом та история, когда они встретились в деревне, дома. И как жестоко она отомстила ему. Боже ж мой! Да они, считай, по жизни родственники. Любопытно. Что ж, если кроме любопытства ничего не осталось, можно и откликнуться:

— Давай! Как-никак столько лет не виделись. Пообщаемся!

Ресторан был дорогим. Но не помпезным. Роскошь отделки, кожаные диваны, ковры, красота официанток — всё это постепенно становилось менее важным. На первый план выдвигалось главное — качество еды и питья.

Метрдотель — женщина неопределённого возраста — пыталась усадить его внутри зала. Но он твёрдо и уверенно показал её место и занял своё. У большого окна: “Не так, как твоему заведению удобно, а так, как надо мне!”

Заказал бутылку красного сухого. И второе. Мясо — стейк — готовилось. Винно попивалось. Женщина ожидалась. Нельзя сказать, что мужчина не волновался. Ещё как! Но не перед свиданием, а перед встречей с давним другом, который пропал на столько лет. Почувствуйте разницу.

Сидел Дубравин и думал. “Людмиле сейчас... тридцать с гаком. Не с хвостиком, а с гаком. Для женщины это возраст, а у неё, кажется, ещё

ни семьи, ни детей. Похоже на судьбу её мамы. Красивая была женщина...”
Он пришёл на встречу с другом. А вот она, судя по всему, шла всё-таки на свидание.

Дубравин ожидал увидеть её уже погасшей, поблекшей. Но она оказалась совсем другой. В ней, как в доброй в хорошем смысле этого слова лошадке, сразу чувствовалась порода. “Породистая кобылица”, — по-старинному, по-казачьи определил он, когда Людмила через всю залу победно прошагала к его столику.

Официант у стойки, увидев её, напрягся, а Шурка встал.

Они крепко обнялись. Он чмокнул её в щёку. И почувствовал, как она вздрогнула от этого.

— Здравствуй, Саша!

— Здравствуй, Люд!

Они сели за столик. Официант с полупоклоном подал меню. Испанская кухня московского разлива с её паэльями, салатами, кислыми помидорами.

Он наблюдал за ней. Анализировал.

“Раньше, во времена нашей юности её красота была беспокойной, дерзкой, вызывающей. Сейчас она какая-то вдумчивая. Сколько же она пережила за то время, что мы не виделись? Сколько же у неё было всего? И мужиков, наверно”.

Он втянул в себя сладкий запах её духов и сразу как-то обмяк. “Бесспорно, она уже созрела”.

Он знает, что это такое. Когда уходит юность, тело женщины наливается новым соком. Становится твёрдым, упругим, как будто его изнутри распирает сила жизни. Это из мужского восхищения родилось украинское приговье: “Возьмёшь у руки — маешь вещь!” Женщины обычно не понимают и не жалуют этот возраст. Им кажется, что они толстеют, дурнеют. И только мужчины могут оценить такое перерождение, когда из хлипкого, зыбкого, эфемерного вдруг нарождается новое женское тело. Дубравин оценил, когда обнял её.

Она, судя по всему, тоже наблюдала за ним. Изменился или нет? На висках седина. Волосы отступили, обнажив высокий лоб.

— Какой-то ты, Саня, стал особенный! — наконец произнесла она, отрываясь от меню.

Дубравин неожиданно для себя уловил скрытый смысл этой фразы. И ответил:

— Лощёный, что ли?

— Точно, угадал мою мысль!

Удивительное дело: не виделись они много лет, а разговаривают легко и просто. Будто только вчера расстались. Беседа, правда, бестолковая:

— Ты как?

— Да ничего! Работаю на телевидении.

— И я ничего!

— Семья, дети?

— У меня двое!

— А я не замужем. Никак не найду подходящего человека.

— Винца? Риошки? По бокальчику за встречу?

— Ну, давай!

Выпили. Даже слегка порозовели. А у Дубравина возникло то самое ощущение, которое было когда-то в юности. Встретились два одиночества, да и развели у дороги костёр. Только не костёр, а разговор. О друзьях, знакомых:

— Литке помнишь?

— А как же!

— Уехали они все, наши немцы. В Германию уехали. Всей улицей подались. Дома за бесценок продавали, лишь бы только свалить...

— Да тут и сейчас не сахарно. А в Казахстане тем более. Вот и уезжают в свою землю обетованную. Андрей Франк тоже свалил. Но что-то ему и там не больно нравится.

— А оставшиеся в Жемчужном только пьют и пьют.

— Это точно. Брат мой Иван совсем спился. Стал хуже бомжа. Бродит по деревне и попрошайничает: “Налейте, люди добрые, стакашек на похмелку!” Отец с ним воюет, не знает, что делать. Раньше хоть принудительно лечили. А теперь... Демократия, свобода!

— Да! Мама моя умерла! — у Людки навернулись слёзы на глаза. — Прошлой весной похоронили. Брат привёл в дом новую бабу с двумя детьми. Тоже сильно закладывает за воротник...

В общем, поговорили. Бутылочка “Риохи” подошла к финалу. И встреча одноклассников тоже. Вроде им всё понятно друг о друге.

— Шушункина Галка как? — на всякий случай спросила Людка.

— Работает. Растёт в должностях, — ехидно ответил он.

— Ну, да! — замолкла она.

Осталось только встать и сказать: “Ты знаешь, у меня встреча. Дела...”

Но ни он, ни она почему-то не вставали.

Не то чтобы нахлынуло. Может, от выпитого и съеденного, может, от воспоминаний о юности они расслабились. Как два потерпевших кораблекрушения моряка, оказавшиеся на незнакомых берегах, сидели они в этом испанском ресторанчике. И, наконец, разоткровенничались. Заговорили, перескакивая с одного на другое. Вспомнили их единственную ночь, когда она увела его, бывшего в пьяном угаре, к себе.

— Я почти ничего не помню из того, что тогда было, — как-то невзначай обронил он.

А она вздрогнула, покраснела, в глазах загорелся огонёк. Взглянула на него:

— А я помню всё! Каждое мгновение. Каждую секундочку, каждое движение, каждый вздох.

Вот в это мгновение он всё и понял. Она любила его и сейчас. И снова готова на всё, чтобы вернуть то время. Золотое время.

А его душа была полна любви и так. И только искала, на кого излить эту скопившуюся нежность, заполнить пустоту сердца, что не давала жить и работать в полную силу.

Он понял, зачем она звонила ему. Догадался:

— Люд! Ты хочешь жить со мной?

И она тихо ответила, отводя взгляд в сторону:

— Да!

17

Дубравин — загребной. Он сидел на корме зелёной прорезиненной байдарки и ловко, но неторопливо орудовал веслом. При каждом мощном гребке вода за кормой журчала, а лёгкое суденышко стремительно ускорялось.

За его лодкой шли ещё несколько, с двумя-тремя путешественниками в каждой. Все экипажи оделись в полосатые синие тельняшки и широкополые зелёные шляпы. В руках порхали лёгкие алюминиевые вёсла, движения которых издали напоминали взмахи птичьих крыльев.

На переднем сиденье его байдарки, удобно устроившись в сооружённом из спального мешка “гнезде”, сидела красивая женщина — Людмила Крылова. Лёгкий загар ещё не позолотил её белую кожу горожанки, и потому она тщательно оделась, закрыв от солнца всё, вплоть до кистей рук.

Флотилия уже давно двигалась по прозрачному зеркалу реки, окаймлённому пышной зеленью полей и лесов. Искали удобное место, где можно остановиться на ночлег всей регатой.

Вспомнив молодость и поразмыслив на досуге о жизни, Дубравин предложил своей команде организовать летом поход на байдарках. Он был твердо уверен в том, что такое совместное времяпрепровождение, во-первых, сплотит коллектив, во-вторых, даст возможность просто по-человечески оторваться от рабочих будней, отдохнуть на природе, слиться с нею.

Свою мысль он для всех выразил так: “Каждый человек, чтобы не потерять себя, должен хотя бы три дня поспать на земле. Походить босыми ногами по траве. Искупаться в чистой реке. Остановиться. Подумать”.

И вот, собрав ветки, закупив продовольственный запас на несколько дней, они тронулись в путь. Сначала выехали на автобусе к месту старта. Собрали там байдарки, спустили на воду. И ранним утром тронулись вниз по реке. Гребли уже много часов подряд, но подходящего места для стоянки пока не нашли.

Наконец, впереди, в прибрежных кустах показалось свободное пространство с песчаным пляжиком. Дубравин указал на него длинным веслом и сразу же направил туда байдарку.

Причалили. Он, крихтя, вылез из низкого брезентового логовища, помог Людмиле выйти на берег. Место просторное, уединённое. Есть где поставить палатки, развести огонь, кинуть на траву спальные мешки. “Здесь и будем ночевать!” — решил Александр. И замахал призывно подплывающим соратникам.

Дубравин собрал всех, кого смог. Первым откликнулся Володька Озеров. После нападения, отлежав в больнице, он уволился из Коргово и как свободный человек принял самое деятельное участие в подготовке регаты. Подъехал и Казаков. Как уж он, монастырский послушник, сумел найти время — знал только он сам, да, пожалуй, Господь Бог. Но приехал. И его лицо с густой, чёрной с проседью бородой резко контрастировало с безбородыми лицами остальных. Амантай, с которым Володька списался по чуду техники — интернету, — прислал письмо, в котором сообщил, что он “мысленно с ними”. Франк отмолчался. Галину Шушункину не приглашали.

Но большую часть команды составляли местные соратники Дубравина. Люди колоритные, надёжные. Хозяйством путешественников заведовал Бес. Он разоротил маршрут, подготовил байдарки, палатки, спальные мешки. Закупил снедь и разные полезные мелочи, делающие жизнь туристов на природе более комфортной. А самое главное, по личному указанию шефа загрузил на судёнышки огромное количество хорошего вина, необходимого для “дезинфекции”. Процесс этот начался с первых минут похода. Коробки и бутылки в летнюю жару пустели с пугающей быстротой. Но никто не пьянел, периодические купания в реке и гребля отрезвляли на ходу.

Так что все были довольны. Вот и сейчас, перед тем как причалить к берегу, путешественники бок о бок поставили байдарки на середине реки. И прямо на ходу выпивали. Разливал Алексей Тимашов — главный распространитель прессы в регионе. Вот он достал яркую коробку со столовым вином. Взломал её. И янтарная жидкость полилась из краника в пластмассовые кружки. Процесс сопровождался шутками-прибаутками и тостами. Пока непьющие Казаков и Чернозёмов поддерживали баланс, чтобы лодки не опрокинулись, Марина Сорокаумова и Галя Калужская пытались сообразить на брудершафт. Их загребные — Павел Корнев и Володька Озеров — пили, не выпуская вёсел из рук. В общем, жизнь кипела.

На это Дубравин и рассчитывал, устраивая регату: “Так себя чувствовали, наверное, казаки Стеньки Разина, когда хмельные и весёлые садились в свои струги и носились по Волге-матушке и Дону-батюшке от одной стоянки к другой.

Воля! Волшебное слово для русской души. Хоть на несколько дней вырваться из привычной колеи жизни, из обоймы, в которую ты вставлен, из бешеного ритма.

Поход даёт и ещё одно важное ощущение — затерянности. Ты ушёл по воде, и никто тебя не найдёт. Не заставит думать о каких-то сиюминутных проблемах, делах и делишках. Судя по отклику, который получила моя инициатива, это ощущение и желание воли живёт в каждом русском сердце. Ведь не зря же наши предки предпочитали не воевать с властью, а уходить от неё всё дальше и дальше в Сибирь, на Юг, на Дальний Восток. Туда, где не мог их найти ни поп, ни царь, ни полицай.

Дорог не было. И русские двигались по рекам. На лодках, стругах, кораблях. Судя по всему, память об этом движении навечно отложились в генах нашего народа. Поэтому и отдых на берегах — самый приятный, самый комфортный для нас. Тем более что берега эти кипят жизнью”.

Байдарки по очереди утыкались зелёными резиновыми носами прямо в прибрежный песок. Народ разноцветным горохом вываливался на пляж.

Ресаты много. Команда выгружала на берег припасы, ставила разноцветные новенькие палатки. Когда-то в юности они ходили с тяжёлыми, одноцветно-зелёными шатрами. Ныне же их заменили лёгкие, комфортные синтетические домики. Как яркие цветы они выросли вокруг. Всё двигалось, плясало и играло.

И тут Дубравин обнаружил, что поблизости нет дров. Обычно путешественники останавливаются в таких местах, где много валежника или есть сухостой, который можно пустить на костёр.

А какой может быть полноценный вечер на отдыхе без огонька?

Дубравин с Казаковым походили вокруг, расстроились. Уже хотели было дать отбой ночёвке на этом месте. Но тут Анатолий заметил стоящее прямо на высоком берегу реки толстенное засохшее дерево — старый дуб. Здесь, в изгибе реки, течение подмыло его корни, и они, как могучие жилы, выглядывали из обрыва. Но дуб выглядел настолько крепким, что подступиться к нему с пилою было просто страшно.

Долго стояли они в нерешительности, прикидывали, что да как. Наконец, Дубравин в отчаянии произнёс:

— Деваться нам без огня и горячей пищи некуда. Толян! Неси пилю. Будем валить!

Хр-р, хр-р! Двуручная пила впиалась в твёрдую, как камень, древесину, обдирая кору. Но взялся за гуж, не говори, что не дюж. Миллиметр за миллиметром вгрызалось тонкое полотно в жёсткий ствол. Через десять минут Дубравин и Казаков стали мокрые, как мыши. Дышать становилось всё тяжелее. Дубравин понял, что дело плохо. После дельного дня с веслом в руках работа эта для них непосильная. Пилят они, пилят, а толку — чуть.

Галя Калужская — стройная, как рябинка, и повидавшая много горя женщина — видно, сердцем чувствовала, что мужикам тяжело. Сказала, жалея:

— Да ладно, ребята! Оставьте этот дуб в покое. Обойдёмся как-нибудь.

Но Дубравин никак не мог признать своё поражение. Остановился на минуту, отдышался. Позвал Озерова:

— Подмени Толяна!

Хр-р, хр-р, хр-р! Снова дрожала сухая верхушка дуба. Через час с небольшим вгрызлись в ствол сантиметров на двадцать. Тут пришла другая беда — полотно пилы пошло слегка вправо и его стало зажимать. В общем, не пиление, а одно мучение. Не проташить.

Но дерево они так и не бросили. Два часа потели втроем, сменяя друг друга. Зато какая была радость, когда сухой дуб сначала стал поскрипывать, потихоньку клонясь вершиною к воде, а потом рухнул всей своей гигантской неподъёмной толщею, подняв захлестнувшую берег волну!

Кинулся Дубравин с ребятами в воду. Обвязали ствол верёвкой, чтобы не ушёл, и потихоньку стали толкать к берегу. Как ни странно, вытянули. Потом думали-гадали, что делать.

И, как бурлаки, поволокли его за верёвки всей командой на берег.

Ну, а там уж взялись за топоры. Принялись разделять на дрова...

А девчонки, соответственно, тут же стали фотографироваться на оставшемся на высоком берегу реки необъятном пне-троне.

Пришёл вечер. А с ним прохлада. Все помыслись, переоделись. Разожгли костёр.

Полыхали дрова. Народ рассаживался вокруг. Огонь выхватывал из темноты лица. Тишину нарушало только потрескивание сыпавших искрами дубовых поленьев.

— А ведь сегодня праздник, — сказала Марина Сорокаумова. — Ночь на Ивана Купалу. В это время расцветает папоротник. И вообще, раньше народ отрывался в эту ночь. Давайте-ка, девчонки, выпьем да попрыгаем через огонь, как в молодые годы.

Девки зашевелились. Виночерпий Казаков всем разлил, но сам к вину так и не притронулся. Чокнулись. Женщины водрузили на головы, как короны, сплетённые из ромашек и белых кувшинок венки.

И куда только исчезла дневная усталость? Девичья песня лилась, призывно летела над рекой, отражалась от водной поверхности и неслась над лугами и лесами.

“Вот и замкнулся круг! — думал Дубравин, грясь у огня. — Господь управил. И волею своей расставил всё по местам”.

Он смотрел на Людмилу. А она — на него.

“Мы что-то ищем вдали. Пытаемся понять себя и других. И зачастую даже не знаем, что нам нужно. А то, что нужно, оказывается, совсем рядом с нами.

Я хотел изменить свою жизнь. Что ж, вот она и изменилась. Просил Силы Небесные, чтобы они дали мне женщину, которая бы понимала меня, была помощницей на этой дороге под названием “жизнь”. Даже мечтал о том, какой она должна быть. Всё сбылось, получил, какую хотел. Как говорится, “красавицу, спортсменку”. Хотя главное — что она дополняет меня. Знает то, чему я сам так и не научился.

Впрочем, не надо торопиться. Торопиться не надо. Я уже не мальчик. И времена переменялись. И если ошибусь сейчас, то ошибусь безвозвратно. Годы-то уходят. Нам надо пожить, понять друг друга. Тем более, сейчас и не поймёшь, кто на самом деле охотник, а кто добыча. Роли изменились, здесь опыт имеется”.

Она тоже сидела и вспоминала ту встречу. Тогда после ресторана они поехали к ней. И она, встревоженная и счастливая, одновременно хлопотала на кухне и думала о случившемся. О том ощущении блаженства и какой-то полноты жизни. Какой-то окончательности и неразрывности, которое она испытала в постели. В тот миг, когда он вошёл в неё.

“Вот как бывает! — думала она, разбивая о край чугунной сковородки пятое белое яйцо. — Как будто в тебе чего-то не хватало. А тут всё стало на своё место. Господи, что же у нас впереди?”

А впереди был переезд. Совместная жизнь в провинциальной тесной квартирке. Надежда на ребёнка.

И она старалась. Ох, как она старалась. Сразу было видно, что сильно истосковалась “по женской доле”. Начала парить, жарить, варить. И, естественно, баловать его так, что через пару-тройку месяцев он округлился.

Жили просто. Он старался не обижать её, не задавать лишних вопросов. Полученный жизненный опыт, многие разочарования и потери научили их снисходительно и терпеливо относиться друг к другу.

Главное она усвоила: “Если мужик тащит на себе телегу их совместной жизни, то надо просто помогать. Не садиться ему на спину и погонять. Не виснуть гирей на шее. Не забегать вперёд и поучать. Если силёнок не хватает, пристроившись где-то сбоку, подталкивать телегу. Тянуть. Подбадривать. А когда он выбивается из сил, просто садиться рядом и отдыхать”.

Он тоже вспоминал эту первую ночь. Но по-другому. Когда они легли вместе, он был странно озадачен. Чем? А тем, что во второй раз в жизни у него возникло ощущение близости и того, что между ним и ею нет границ. Нет барьера. Нет кожи, как это было с Галиной. И чувство единства, радости, покоя и тишины овладевало им каждый раз. Дубравин поймал тогда себя на мысли: “А я-то, дурак, думал, что это может быть единственный раз в жизни. Только с одной. Оказалось, всё не так. Такое, конечно, бывает редко. Но бывает. И это счастье”.

Пока они предавались воспоминаниям, жизнь бивачная шла своим чередом. Заведённый народ приступил к игрищам и ритуалам. Начали с прыжков через огонь. И скакали так долго, что чуть не прожгли обувь.

Потом женщины отошли к реке. Зажгли маленькие плоские свечки и на дощечках пустили их вместе с цветочными венками по чёрной воде. Долго наблюдали за плывущими в темноте огоньками. Пели. Разглядывали усеянное мириадами крупных звёзд летнее небо. И снова пели.

Уснули все пьяные и счастливые.

Так закончился первый день регаты.

Солнышко неторопливо поднялось над горизонтом. И холодная роса на траве заблестела.

Дубравин на четвереньках выполз из большой синей палатки с предбанником. Натянул резиновые тапки и пошёл по росе прямо к реке. Утреннее

купание сразу спало сон. Бодрый и освежённый, он вылез из тёплой, парящей под солнцем речки. По дороге назад встретил Озерова, сидевшего на берегу с длинной удочкой. Они покалякали какое-то время.

А жизнь в лагере уже кипела. Заново разгорался костёр. Бес открывал тушёнку для каши, Людка возилась с посудой.

После завтрака на горизонте появились то там, то здесь лохматые тучи. Но они не мешали солнышку, которое начало парить так, что в палатке стало не усидеть от зноя.

Дубравин знал, что за поворотом реки есть тихие заводи и отмели, на которых можно побаловать себя, поплавать в тёплой, мелкой воде. А ещё там попадались стаи птиц, кормившихся всякой всячиной.

Он предложил Крыловой сплавить туда на байдарке. Они сели в свою хрупкую брезентово-алюминиевую конструкцию, захватив пневматическое ружье, стреляющее свинцовыми пулями. И отчалили.

Сильным ударом весла Александр вытолкнул лодку на стремнину. И речка понесла их вдоль зелёного берега, мимо зарослей камыша, кустов и кустиков зелёной травы, склонившихся к воде деревьев.

Дубравин, стараясь не шуметь и не разговаривать, вёл лодку. Под ними в глубине пролетали песчаные отмели, упавшие коряги, стволы деревьев. Вокруг сновали мелкие синие и крупные оранжевые стрекозы. В пронизанной солнцем воде виднелись стаи мелких рыбёшек. Иногда, ощутив над собою тень байдарки, бросались наутёк более крупные особи. И делали они это так быстро, что Александр только успевал их замечать: “Это щучка! Это, наверное, лещ ушёл в камыш. О, карась пучеглазый! Здоров, братец!”

Все дышало жизнью.

“Не зря наши предки расселялись и двигались по рекам!” — думал он, уклоняясь от нависшего с берега коряво-сучковатого ствола.

Через пару минут они нашли нужную протоку и повернули своё хлипкое судёнышко туда. Течение замедлилось.

Сидящая впереди Людка вскрикнула:

— Ой, смотри, смотри!

Слегка приподняв изящную головку с желтоватыми пятнышками, через протоку, извиваясь всем телом, плыл уж. Он едва успел проскочить перед носом байдарки и скрыться в зелёных прибрежных кустах.

Ещё через сотню метров они нашли то, что искали. Протока расширилась, превратившись в мелкий залив, посреди которого поднималась на поверхность белая песчаная коса. Лодчонка зашуршала днищем по песку. Отсидевший ягодицы Дубравин вылез, покряхтывая, и встал на затекшие ноги. Потом помог выйти Людмиле. И вытянул байдарку на песок.

Солнце пригревало. Даже жарило. Они с разбегу бросились в тёплую воду, поплыли. Потом погонялись друг за другом на островке, бросаясь песком. И не заметили, как огромная туча нависла прямо над ними.

Всё вокруг потемнело. Налетела буря! Холодный порыв ветра хлестал мощно и сильно прямо по верхушкам деревьев. Разлеталась с шелестом в разные стороны листва. Вихрь гнал по воде рябь.

Буквально через минуту хлынул проливной дождь. Крупные капли хлестали по воде, шлёпались на песок.

“Как бы град не лупанул!” — только и успел подумать Шурка.

Града не было, но дождь лился настолько холодный, что они мгновенно озябли. Вдобавок ко всему над головой грянул гром.

В общем, беда.

Людка вся сжалась, застыв под этими ледяными струями. Дубравин, не в силах помочь ей, сначала предложил:

— Давай под байдарку!

Увы, это не спасло. Узенькая байдарочка была плохой защитой. Дождь доставал тела и под нею. Беда, бояре!

И тут его осенило:

— В воду! В ней теплее!

Они бежали по мокрому пляжу и прыгнули прямо в тёплую воду залива. Стало легче.

Ливень прекратился через несколько минут. Туча, недовольно ворча, упылала в сторону. Солнышко снова улыбнулось им. Вскоре природа, съёжившаяся под холодным ливнем, чудесным образом снова расцвела.

Они вылезли на берег греться. Потом Дубравин столкнул байдарку в воду, и они забрались в неё. Пора было возвращаться.

Не успели они отойти от берега и пройти по камышовой протоке, как наткнулись на трёх уток с селезнем, беспечно кормившихся на отмели. Они, вероятно, не услышали приближавшихся на почти бесшумной лодке людей. Дубравин сразу потянулся к ружью.

Птицы, заметив их, начали разбег по воде.

Раздался шипящий звук выстрела. И, о чудо! Утки взлетели, а селезень шлёпнулся в воду.

Охваченный охотничьим азартом, Александр подгрёб к нему. И увидел, что птица вверх лапами лежит на воде.

Он подтянул веслом обмякшую, но ещё тёплую тушку. Достал из воды. И удивился.

Конечно, пуля из пневматики ну никак не могла пробить толстое, жёсткое перо птицы. Охотник искал место попадания. Наконец, он увидел, что свинцовый комочек ударил прямо в голову, рядом с круглым глазом.

Дубравин символическим жестом бросил добычу в лодку Людке под ноги. Она молча, без бабьего визга и писка стала рассматривать красивого, мощного селезня, так непохожего на невзрачных серых уток.

Шурка даже расстроился: “Попасть-то попал! Но кто будет возиться с птицей? Ощипывать, разделять?”

Но всё равно, торжествуя в душе, погрёб к общей стоянке с видом именинника.

Сомнения его оказались напрасными. Женщины набросились на птицу и шустро принялись её ощипывать. А потом так быстро разделали селезня под супчик, что Дубравин понял простую вещь. Ничто не утрачено. Под внешней маской современника в каждом из нас прячется дикарь. И эти девушки, если завтра цивилизация исчезнет, очень быстро приспособятся жить, как жили наши предки. Блестящим доказательством этого стало превращение крылатого красавца во вкусоуший суп.

Обеденный разговор у костра шёл вяло, пока Володька Озеров не вспомнил о своём опыте.

Матюгнувшись вполголоса, он рассказал друзьям о своих бедах:

— Что за государство мы построили?! Хрен знает! Мечтали в девяностых, что будет всё в лучшем виде. Демократия, выборы, открытые границы с Европой. А что получили? При власти воры, мошенники, жулики. Везде взятки, в суде правды не добьёшься, если не занесёшь. Хуже, чем при коммунистах было...

— А ты чего хотел? — завёлся с полуоборота Дубравин. — Так вот сразу и в дамки? То есть, в райские кущи. Как в Швеции? Для этого надо целый путь пройти. Всем. И государству тоже...

— Ну, путь мы уже прошли. И немалый! — ершился Озеров. — Только что-то я светлого будущего не вижу.

— Да ничего мы не прошли! — возразил ему Шурка. — Мы крутимся на месте. Нарезаем, так сказать, исторические параллели...

— Это как? — заинтересовался разговором Казаков, расправляя свою взлохмаченную после купания бороду.

— А вот как! — принялся излагать своё видение процесса Дубравин. — По Марксу, как должно быть? Шаг за шагом. От одной общественной формации к другой. А мы что? В тысяча восемьсот шестьдесят первом году феодализм себя исчерпал. Царь-батюшка Александр II освободил крестьян. И началось. Власть в его руках. А в экономике — воля. И пошло развитие капитализма семимильными шагами до самой революции февральской. Буржуи взяли власть, Россия должна была шаг за шагом модернизироваться, двигаться к социализму. Но уже в октябре большевики всё переиграли и начали строить свой социализм. А на самом деле вернулись

к маршову феодалному, что был до освобождения крестьян. Иосиф Виссарионович так гайки завернул, что снова получилась империя. Только основа у неё другая немного была. Вместо царя — вождь, вместо православия — великое учение, а народность на интернационализм поменяли. Так до девяносто первого и сидели.

— А что, в девяносто первом не было демократии? — поинтересовался кто-то из молодых.

— Была! — ответил Дубравин. — Да сыпала в девяносто третьем. Ельцин её танками раздавил. И стал царём. У нас и Конституция нынче такая, что Николаю II и не снилась. Вся власть у президента.

— Ну, может, так оно и должно быть! — сказал Казаков. — Страна большая, народу много. Кто в лес, кто по дрова. Должен быть порядок.

Но Дубравин уже оседлал любимого конька:

— Так-то оно, может, и так. Только нам от этого не легче. Мы пошли по кругу. Опять мы империя. Опять триада. Самодержавие, православие, народность. Храмы растут, как грибы. Вертикаль укрепляется — аж дальше некуда...

— Ну, надо же чем-то идеологический вакуум заполнять, — заметила Марина Сорокаумова, подсаживаясь к костру.

— А кому от этого легче? — спросил Алексей Тимашов, приносиваясь к соблазнительным запахам, шедшим из подвешенной над огнём кастрюли.

— Тем, кто сегодня движет страной. Предпринимателям. Нам эта мифификация режима совсем ни к чему. Троекратное хождение по кругу только истощает народные силы.

— Ну, а в других странах СНГ всё не так, что ли?

— Не так. Все четырнадцать бывших республик строят национальные государства. Одни мы на осколках империи плывём без руля и ветрил. Куда кривая выведет.

Посидели. Помолчали, прислушиваясь к треску огня. Казаков заметил:

— Вот что интересно. Все эти бывшие республики вернулись к тому образу правления, который у них был до семнадцатого года. Прибалты — к буржуазным республикам. Узбеки, таджики, туркмены — к деспотиям средневекового образца. Даже в Казахстане, вначале казавшемся демократическим, сейчас одна партия, один елбасы. С чего бы это? Они тоже пошли по кругу?

— А с того! — живо откликнулся Дубравин. — Пока люди не созрели, никакой демократии не будет. И если исторический урок не усвоен, народ возвращается к исходной точке. И начинает забег снова. По кругу! А он у каждого свой!

— И что дальше? Так и будем кружиться? — наливая дымящийся утиный супчик, спросила Сорокаумова.

— Ну, мы не первые. И французы через это проходили. И англичане. Сначала была Великая французская революция, а потом к власти пришёл Наполеон и построил империю. И так раз за разом. Пока буржуазия не взяла власть, после чего появилась свобода слова, собраний, предпринимательства.

— Будем ждать! — с иронией произнёс Володька Озеров. — Пока созреют свои буржуи!

— Верно! — ответил Дубравин. — Нам нужен закон, порядок, демократия, справедливый суд.

— Тут многое и от народа зависит, — добавил Казаков. — Он должен созреть. Не появится средний класс — ничего и не будет. У нас на выборы-то никто не ходит, не то что на митинги. Права свои отстаивать надо.

— Отстоишь тут! — разочарованно заметил Озеров. И принялся хлебать супчик.

— Да, без гражданского общества ничего не будет. Так и будут нас гонять по кругу от империи к империи, — согласился Дубравин. — А его могут создать только предприниматели, мелкий и средний бизнес. Не олигархи. Они-то вотчинники. Их и так хорошо кормят. Встроились в систему, и никакая демократия им не нужна. А нам без неё кранты...

— И что, надежды нет? — спросила Марина Сорокаумова.

— Почему? Потихоньку растут наши силы. Был бизнес разбойничий — стал торговый. Накопят деньги — вложат в производство. Потом захотят порядка, закона, власти. Того же, что и средний класс. Уважения к себе. Рано или поздно это произойдёт. Вот только доживём ли мы до этого — большой вопрос. Жмут нас власти. Они ведь боятся самостоятельных.

— Выборы тут не помогут! — упрямылся Володька Озеров. — Их всегда можно переиначить. Надо на улицы выходить.

— Почему? — возразил ему Дубравин. — Если все выйдут, никто не сможет сфальсифицировать выборы. Как бы ни пытались.

— Это опять же вопрос зрелости народа! — задумчиво произнес Казаков. — Поднимется с печи — будет у него и демократия, и русское национальное государство. А будет дремать — так и проспит всё на свете.

— Да, Россия, с одной стороны, интересная страна. Своеобразная, — сказал Дубравин. — А с другой — подчинённая общим законам развития. Посмотрим, как всё пойдёт. Пассионариев мало. Как пел Высоцкий: “Настоящих буйных мало”. Но они есть. Сейчас у нас две тенденции — восстановление империи и развитие капитализма в рамках неё. Какой путь выберем? Кто знает...

— Давайте, мужики, лучше выпейте! — влезла в разговор Крылова. — За нас, за женщин, в конце концов. А то мы сидим тут никому не нужные. А вы всё о политике...

— Точно, хватит!

— Нет, я всё-таки скажу, — встал Дубравин. — Давайте сначала поднимем бокалы за русское национальное государство. Законы развития не обманешь, и если оно должно возникнуть, то хоть ты лопни, а всё равно появится.

Выпили.

Ну, а потом уже за женщин, за любовь, за детей и родителей. И ещё Бог весть знает за кого. Пили и пели.

И долго ещё над лесом, над рекою раздавались весёлый смех, мелодии песен и радостные голоса людей, отдохавших на своей русской земле.

18

Зима в этом году выдалась знатная. Снегу навалило. Да и мороз не отпускал. Крепко стоял уже две недели.

Сегодня с утра, когда он ещё затемно выезжал на работу, задул такой легонький, небольшой ветерок. А к обеду превратился уже в пургу. Но Дубравина это не обеспокоило. Машина у него — зелёный “Лэндкрузер 100”. Переживать не о чем — главное, не забыть бросить в багажник большую пластмассовую лопату. Что он и сделал.

Выехали домой после обеда. Рулил Витька Палахов. Так уж получилось, что бывший прапорщик воздушно-десантных войск уволился в запас, не дождавшись от родного государства пенсии. И вынужден был искать себе новое применение на гражданке.

Бывший майор Казаков предложил ему поговорить с Дубравиным. Встретились. Побеседовали.

Так он оказался в холдинге. И стал работать специалистом на все руки.

Сейчас они выехали на трассу. И сразу попали в снежный заряд. Впереди идущие грузовики выстроились в колонну, которую ни обойти, ни объехать. Огромные колеса поднимали тучи снега. Ветер рвал тенты, бросал ледяное крошево на стекло.

До поворота на просёлочную дорогу они добрались достаточно быстро. А вот там их ждал сюрприз. После колеи, проделанной большим трактором, начались перемёты. Метель намела такие сугробы, что сама дорога исчезла под снегом. В перемёт “Лэндкрузер” (называемый Дубравиным за цвет и форму “Крокодилом”) и влетел с ходу по самым капот.

“Все, кранты. Сели!” — подумал он. Но машина продолжала двигаться, хотя снег, как вода, переливался через капот и подползал к лобовому стеклу.

Палахов включил полный привод и пониженную передачу. В итоге первую преграду они одолели благополучно.

Но впереди было новое испытание: надо въезжать в снежный тоннель, пробитый тяжёлым трактором. А это чревато, так как тоннель с высокими стенами и чрезвычайно узкий.

Дубравин засомневался: “Может, вернуться? Заночевать в городе? И уж завтра, когда расчистят, ехать. Но там Людмила. Там дочка. Там, в конце концов, меня ждут”. Он представил свой тоскливый ночлег в пустой городской квартире: “Ну, уж нет!”

— Давай вперёд! — сказал он Палахову, который тоже призадумался, глядя на эти гигантские снежные ворота. — В крайнем случае — откопаемся. Лопата есть!

“Крокодил”, загребая снег и подминая его под себя всеми четырьмя “лапами”, медленно продвигался вперёд. Они проползли с полкилометра и попали во вновь заметённую снежную перемычку. Трактор-то здесь прошёл. Но ветер быстро надул на этот расчищенный участок нового снега.

Палахов включил все имеющиеся у “японца” прибабасы. Но колёса крутились, а машина только ворочалась, билась в снегу.

— Чёрт возьми! — Дубравин в ярости выскочил из кабины. Открыл заднюю дверь, достал лопату. И как есть — в тоненьких ботиночках, дублёночке, с развевающимся кашне, — словно на врага, с лопатой наперевес бросился на сугроб. Он остервенело выбрасывал снег из-под колёс.

Через десять минут такой работы почувствовал, что сердце через секунду лопнет в груди.

Остановился на мгновение. И снова в священной ярости бросился в атаку.

Раз за разом, откапывая колёса, он бился в снегу.

И такое было ощущение, что сам он лишь снежинка в этом белом океане, накрывшем землю. Но снежинка активная, живая.

И, о чудо! Палахов, раскачивающий машину в сугробе туда-сюда, почувствовал, что она буквально по сантиметру, чудовищно напрягаясь всеми своими металлическими внутренностями, напрягая до гула могучий дизель и сжигая сцепление, как настоящий крокодил, вступивший в смертельную схватку, выползает на чистое место.

Вылезли! Ещё трижды они проскакивали на ходу огромные пережёты.

И уже приближалась родная деревня, манящая издали огонькам, как вдруг Витёк ударил по тормозам. Дубравин протёр глаз:

— Что такое?

Прямо посреди дороги лежал человек.

Бабулька!

Витька выскочил, поднял старушку. Отряхнул от снега, затащил в салон. Дубравин в шоке спросил полузамерзшую:

— Бабуль, ты как здесь оказалась? На улице морозище и пурга!

Слегка отогревшаяся морщинистая старушка в цигейковой шубёшке только стучала зубами. Наконец, она выговорила:

— В город ездила. По делам сына. В собес. Ну, автобус довёз до поворота. Водитель сказал, что дальше не поедет. Бойтся. Вот я пешком и пошла.

— Так тут же семь километров! — сказал Палахов. — И пурга метёт такая, что мы еле пробилась...

— Эх, милые, а что делать? Жизнь такая. Деваться некуда. Я одна ответчица за всех. Сын-то пьёт. А мне надо ему бумаги оформить. В собесе... Безотлагательное дело. Какая уж тут пурга...

— Да тут кругом снегу по пояс, бабушка. Сейчас пройти невозможно. Только на гусеничном тракторе...

— Ничего, милые, я сильная. Сдюжу!

— Эх, народ наш, ничего его не остановит, — пробормотал водила. — А утром как вы отсюда прошли-то?

— Пешочком. Только на меня собаки вот там, в конце улицы напали. Свалили и начали кусать, хватать за ноги. Хорошо, мужик шёл. Отбил... А так ничего...

— А вы хоть что-нибудь ели за день-то, бабуса? — полюбопытствовал Дубравин, доставая из бардачка бутерброд с маслом и термос с чаем.

— Да что вы, милые! Я на автовокзале попила кофе с булочкой...

“Ё-моё! — думал Дубравин, разламывая бутерброд на три части. — Вот она Россия, коренная, глубинная. Это ж надо, такой фатализм, такая вера в то, что всё будет хорошо! То на “Жигулях” заднеприводных, на летней резине прут в пургу, слетая в сугробы. То бабуля, божий одуванчик, в метель, в мороз идёт за десяток километров!

Россия — умом тебя не понять! Все на авось надеется. И ничего, живёт! Тысячу лет живёт. И ещё будет жить. Такой народ всё преодолет. И как тут ни крути, все мы, русские, связаны одной судьбой.

Вот я — с моей деревней. Хоть у меня и дом, напичканный электроникой, хоть на все случаи есть дополнительные генераторы, запасы еды, питья, дров, но перед этой суровой природой, перед этими расстояниями в одиночку не выстоять. Только вместе, всей деревней, всей страной можно выжить. Помогая друг другу”.

— Ну, что? — спросил Палахов, дожевывая свою булку.

— Поехали! — взглядываясь в огоньки родной деревни, ответил Дубравин.

Он пришёл с мороза обледенелый, холодный, голодный. А Людка сидела дома. Ждала его у камина. Горел огонь, щёлкали дрова за каминным стеклом. На столе остывал ужин. Тикали часы.

— А дочка где? — первым делом спросил Александр, обняв тёплую, одетую в домашний халат жену.

— Дочка? — Людка хитро улыбнулась. — Пойдём, покажу.

Они прошли через кухню. И жена, открыв стеклянную дверь на улицу, показала на припорошенную снегом коляску, стоящую на веранде в уголке.

— Люд, ты чего? — удивлённо сказал Дубравин. — Там мороз!

— Сейчас всё увидишь! — заговорщически шепнула она.

Они выскочили в чём есть на улицу, на пронизывающий ветер. Подошли, сжавшись от холода. Людка приоткрыла застёжку коляски. И Дубравин увидел в глубине, в свитом одеялами и пуховыми платками гнезде милое, любимое детское личико. Под вой пурги и шуршание снега...

Дуня тихо спала.